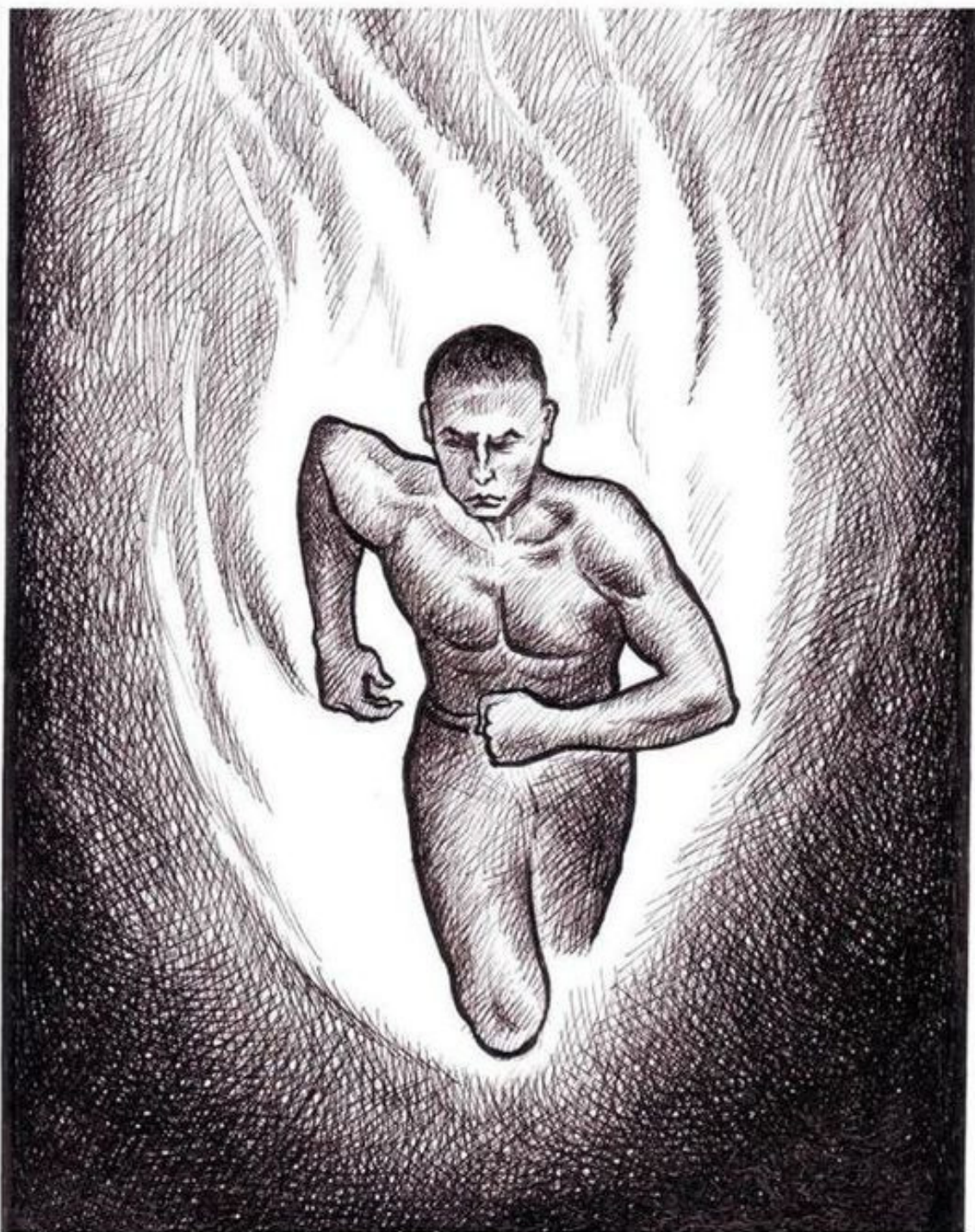

18+

К ван Т. Улху

Горящий гражданин

К ван Т. Улху

Горящий гражданин

«Издательские решения»

К ван Т. Улху

Горящий гражданин / К ван Т. Улху — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938661-8

Вы живете, как и миллионы сограждан, в уютном мирке обывателя: торгуете игрушками, пьете пиво по пятницам, смотрите сериалы, будущее видится таким же стабильным, как и настоящее. Однако всему приходит конец. И вот вам приходится бросать работу, скрываться от преследователей, ехать к черту на рога, лелея хлипкую надежду спастись. В оформлении обложки использовано изображение «Горящий Гражданин», автор Р. А. Еркимбаев. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938661-8

© К ван Т. Улху
© Издательские решения

Содержание

Предупреждения	6
От автора	7
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Горящий гражданин

К ван Т. Улху

© К ван Т. Улху, 2018

ISBN 978-5-4493-8661-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждения

Основано на реальных событиях.

Все имена и фамилии изменены, их совпадения с настоящими людьми случайны. Упоминаемые торговые марки принадлежат их владельцам.

От автора

Пока все пишут ЛитРПГ, я решил написать что-нибудь на злобу дня и не совсем фантастику, а может – и совсем не фантастику.

Если первая глава вам показалась медленной, не беспокойтесь (или наоборот – беспокойтесь) – так и задумано.

Глава 1

Призрак вылез из бассейна пентхауса и подошёл к краю крыши. Сюда не долетают запахи плавящегося асфальта и выхлопы машин в пробках. Гудки клаксонов похожи на комариный писк, а горожане, перебегающие между магазинами с кондиционерами, подобны муравьям.

Впервые за много лет Арбитражи решили провести встречу не в уединенном месте. Но Призрак не поехал в отель «Пьемонт» на тридцать шестой улице, который вот уже пару дней закрыт для новых постояльцев. И так понятно, что по результатам встречи, которая вот-вот там начнется, он получит новое задание.

Чтобы не допустить внутрь случайных посетителей, все места заранее выкупили аффилированные с Арбитражами компании. Можно не опасаться ляпнуть лишнего невесть откуда взявшемуся брокеру или торговцу элитной недвижимостью.

– Сегодня день избиения европейцев, – произнёс МакГилл, опускаясь в одно из кресел, стоящих в холле у входа в конференц-зал.

– Ты же сам европеец. Не похоже, что тебя сегодня били, – сказал Кауфман расположившемуся рядом собеседнику.

– Учитывая, что Шотландия остров...

Кауфман улыбнулся.

– Вы прорыли канал, Шотландия отделилась от Англии и стала островом?

– Нет, – МакГилл тоже улыбнулся. – Но в переносном смысле всё к этому идёт.

– Так кто же оказался бит? Только европейцы на континенте?

– Не все, немцы не повелись. А вот англичане, лягушатники и итальяшки вляпались основательно.

– Пожалуй, ты прав, – Кауфман в задумчивости осмотрел ногти. – Пока Каддафи ещё жив, но осталось ему два-три месяца, не больше. А потом любители пиццы получат и бесплатный бонус – свободных ливийцев, массово плывущих из разоренной страны.

– А потом начнут расплзаться по континенту, – кивнул МакГилл. – Жаль, немцы остались в стороне.

В коридоре, ведущем к конференц-залу, появилась группа из трех человек. Неспешно беседуя, они направились в сторону сидящих.

– Самое интересное начинается, – прокомментировал Кауфман, когда трое прошли мимо и скрылись в зале.

– Беспокоит ситуация в России?

– Ситуация в России всегда беспокоит, – поморщился Кауфман. – Ты идешь?

МакГилл кивнул, поднялся и направился за троицей, Кауфман двинулся следом.

За дверьми оказалось просторное помещение в деловом стиле, которое больше подходит для собрания акционеров, нежели для Арбитражей. Столы традиционно выставлены в два концентрических круга, а большинство мест уже занято.

МакГилл десятки раз слышал давнюю историю, почему они расположены именно так. В отдаленном прошлом пара Арбитражей не поделила место во главе стола и устроила потасовку, с выбитыми зубами и сломанными носами. С тех пор столы ставят только кругами.

– Похоже, ситуация в России беспокоит не только тебя, – приглушенным голосом произнёс МакГилл.

– Естественно, – так же тихо ответил Кауфман.

Они заняли соседние столы во внешнем круге.

Трое ранее вошедших, стоят у одного из столов внутри и что-то обсуждают. Наконец, они закончили разговор. Двое переместились во внешний круг, а один сел за стол, рядом с которым все стояли, и тут же заговорил в микрофон.

– Коллеги, в России у нас назревает серьёзная проблема, – начал он без всякого вступления. – Сначала в общих чертах ситуацию опишет аналитик мистер Шарп, а затем детали уточнит оперативник, действующий там.

– Ситуация достаточно проста, – тут же с места заговорил Шарп, второй из троицы. – Мы слишком усердствуем, вымаривая по миллиону русских в год, это создает излишнее напряжение в тамошнем социуме. Наши социальные технологии не позволяют поддерживать такие темпы геноцида высокоразвитых народов без сопротивления с их стороны.

«Яйцеголовый», – с презрением подумал МакГилл, недолюбливающий интеллигентов.

– Расчёты показывают, – продолжил Шарп, – что если всё будет продолжаться в том же русле, возможна потеря контроля с нашей стороны в ближайшие полтора года. Поэтому я вижу два пути: либо снизить темпы, либо использовать конфликтные методы.

Кауфман поморщился, между столами зашептались. Все понимают, что переход к другим техникам создаст неопределенность, которая грозит потерей контроля. А снизить темпы геноцида – значит нарушить договоренности.

– Мистер Шарп, – МакГилл узнал немецкого Арбитража за одним из столов внешнего круга. – Неужели, мы не можем использовать те же методы, что и в последние двадцать лет?

Шарп пожал плечами и повернулся в сторону последнего человека из тройки.

– Мистер Гарри Кей... Кейс... Кейсп... – Шарпу не далась фамилия оперативника. – Не могли бы вы...

– Да, конечно, – отозвался Гарри.

– Благодарю.

– Итак, – бодро сказал «мистер Гарри». – Как и было запланировано, последние шесть лет я отслеживал ситуацию в России и выполнял мероприятия по утилизации пассионарности. По моей инициативе создана организация, которая должна впитывать всех, кто не поддается обработке по стандартным протоколам.

МакГилл поймал себя на мысли, что два рафинированных интеллигента за один час – слишком много. Налёт интеллектуальности их речей раздражает. Почему бы не говорить прямо: утилизация пассионарности – промывка мозгов, перевод усилий в безопасное русло, стандартные протоколы – методы зомбирования. Все бы друг друга понимали.

– К сожалению, – продолжил Гарри, – процент устойчивых к действиям по стандартным протоколам всё ещё остаётся высоким даже по сравнению с европейскими странами. Таким количеством людей невозможно управлять в рамках нынешней российской системы. А её замена, например, по аналогии с украинской, слишком рискованна из-за непредсказуемости результата.

МакГилл вспомнил кампанию на Украине. Самому поучаствовать не довелось, но оперативники, напивавшиеся в хлам сразу по возвращению, рассказывали одно и то же. Удержать огромные массы людей в ложной бинарной системе «за оранжевых или за бело-синих» было крайне трудно. После этого на подобную трансформацию в России уже никто не решился, хотя и подготовка была проведена, молодежные движения типа «Наших» организованы, палатки закуплены... Но не решились.

– Концепция тандемократии по схеме «добрый и злой полицейский» аборигенами не воспринимается. Метод себя исчерпал. Нужны новые способы, – заключил Гарри.

– А если использовать предыдущую схему вождя-патриота? – спросил Кауфман.

Гарри повернулся к нему.

– Возвращение к ней само по себе не будет простым, уличные волнения неизбежны. Но даже если усилить компонент внешней угрозы, то эта схема просуществует два-три года, вряд ли больше. Это при условии, что уличные выступления будут нейтрализованы ещё на старте.

МакГилл подумал, что континентальные интеллигенты слишком трусливы, чтобы все-рвёз браться за любое хоть немного опасное дело.

– Полагаю, нужно принять эту схему, – заявил Шарп. – Моделирование показало максимальную вероятность реализации именно этого сценария, все остальные варианты – малореализуемы.

Кауфман выругался себе под нос.

– Значит, возвращаемся к схеме «вождь-патриот», нагнетаем настроение внешней угрозы, канализируем уличную активность, – констатировал Арбитраж, начавший заседание. – Есть принципиальные возражения?

МакГилл окинул взглядом зал, возражений не нашлось.

– Предложения по кандидатурам исполнителей? – спросил тот же Арбитраж.

– Майкл Макфол в качестве координатора. Решение о его назначении послом США в России уже принято, – сказал Гарри. – Я буду направлять уличные волнения, использую кадры, создававшие схему «вождь-патриот», они в большинстве сохранились. Нужен только оперативник для создания альтернативной легенды.

– Будет вам оперативник. Консультация завершена, – подвел итог Арбитраж, ведший встречу.

Столы начали пустеть, а участники стали подходить к Гарри и Шарпу, чтобы выяснить, насколько выросли риски в России. Через минуту вокруг них образовались группки людей, в одной МакГилл увидел и Кауфмана.

«Ну как же – у всех рудники, шахты, трубопроводы, – подумал он. – Боятся потерять».

* * * * *

Четверг, пожалуй, самый неприятный день недели. Близость выходных вызывает приятное предвкушение свободы, но наличие пятницы всё портит.

С самого утра Святослав занялся разбором коммерческих предложений на следующий месяц: плюшевые игрушки, детские конструкторы, настольные игры, кубики и всё такое. Минул обед, но список непрочитанных писем с договорами всё ещё не влезает в один экран.

Похоже, сегодня закончить не удастся. Он вздохнул и откинулся в кресле. Посидел, потирая виски и пытаясь унять адскую головную боль, взял кружку и отправился за кофе.

Офис фирмы-посредника располагается в небольшом здании, вблизи кольцевой автодороги Москвы. Лет тридцать назад здесь был цех или склад.

Пока агрегат с шумом и скрежетом варил кофе, Святослав глядел на гигантскую территорию бывшего завода, где большую часть зданий составляют офисные центры, каждый из которых безуспешно пытается скрыть своё промышленное прошлое.

Стараясь не делать резких движений, сходил умыться. Вернулся за кофе, по пути к рабочему месту не удержался, чихнул и облил руку горячей жидкостью. Пришлось возвращаться на кухню.

В офисе их сейчас всего двое – остальные или ещё на обеде, или у клиентов на подписании договоров.

– Слушай, Ира, у тебя есть что-нибудь от головы?

Девушка, сидящая за соседним столом, перестала пялиться в монитор, вытащила один наушник и спросила:

– Что?

– Говорю, голова болит. Есть у тебя таблетки какие-нибудь?

– А, шас погляжу, – послышался звук открываемых ящиков и шуршание бумаг. – Вот, – она положила на стол большой кругляш.

– Благодарю, – Святослав уставился на большую грудь, распирающую блузку и едва не выпрыгивающую наружу.

Будь у меня такое страшное лицо, я бы наверно тоже ходил с полуголыми сиськами.

– Славик...

Он давно перестал раздражаться, если его называют Славой, что ещё сошло бы за сокращение от «Ярослав», но никак не «Святослав». Хорошо, ещё Стасом не зовут, а то ведь и поправлять собеседников лень.

Судя по обращению, сейчас попросит чего-нибудь.

– Мне завтра надо уйти пораньше – после обеда. Но курьер обещал привезти договора под роспись. Он может опоздать и приехать после двух. Можешь ему документы подписать?

Святослав перестал пялиться на грудь.

– Да, конечно.

– Ой, спасибо.

– Не вопрос, – сухо ответил Святослав.

Извлек таблетку из упаковки, запил её кофе и посидел с закрытыми глазами.

До вечера договоры не закончились, а голова продолжала болеть, хоть и не так сильно. В носу постоянно зудело, от чего Слава чихал время от времени. Потом зуд перешёл в жжение, словно горчицей намазали. Время до конца рабочего дня тянулось медленно и мучительно.

Выйдя с работы, постоял минуту под козырьком здания. Осеннее солнце уже скрылось из виду, но сумерки ещё не начались. Погода для конца сентября теплая, даже слишком.

Голова закружилась так, что пришлось опереться о стену подъезда. Подкатила тошнота, в глазах потемнело, а футболка промокла от выступившего пота и прилипла к телу.

Приступ быстро прошёл, но головокружение и предательская слабость остались.

Постоял несколько минут пока ветерок обдувал и приятно охлаждал. Решил всё же прогуляться, чтобы хоть немного прийти в чувство.

Покачиваясь, направился к метро. Пешком до него не больше десяти минут, но из-за болезни восприятие исказилось, будто полчаса прошло. Зато свежий воздух, насколько он может быть свежим днём в Москве, проветрил голову.

В метро незатуманенной она оставалась недолго. Духота, тусклый свет и гроыхание поездов привели Славу в полуобморочное состояние. Свободных мест не нашлось, поэтому он прижался спиной к дверям вагона и, стараясь не потерять сознание, смотрел по сторонам.

На очередной станции в вагон въехал безногий попрошайка. Продвигаясь по вагону, он заунывно рассказывает свою вымышленную историю. Пара человек дали ему мелочь, прежде чем он добрался до места, где пристроился Святослав.

Попрошайка взглянул на него, подъехал ближе. Слава кинул и отвёл взгляд, а нищий приблизился и, протянув жестянку для мелочи, подёргал за штанину.

– Отвали, – прошипел Святослав, поражённый такой наглостью. – И так тошно.

Попрошайка молча отъехал к дверям и выкатился из вагона на станции. Своей остановки Слава дождался с трудом и, когда открылись двери, едва не вывалился из вагона. Поднялся по лестнице и по подземному тоннелю пошёл к выходу.

Выбрался под козырёк и прислонился к стене. У другой стороны навеса над ступеньками заметил трёх мужиков в спортивных штанах и с пивом в руках. Судя по частому ржанию, они обсуждают последние открытия квантовой хромодинамики. Поодаль кучкуется группа азиатов, а рядом стоит странный тип с листом бумаги на груди.

Тип с плакатом раздаёт листовки выходящим из метро, но все стараются обойти его стороной. Протянутые листовки прохожие берут, лишь оказавшись притёртыми потоком людей нос к носу с агитатором.

Святослав отклеился от стены, и подталкиваемый потоком воздуха из метро, пошёл наружу. Сделав пару шагов, задел урну, пошатнулся, едва не потерял равновесие и встал у стены снаружи.

Нужно подождать пока станет лучше. Глупо на такси ехать пятьсот метров.

Мужичок обратил внимание на Славу и пошёл в его сторону. Слава смог прочесть надпись на плакате – «Долой самодержавие!». Агитатор приблизился и протянул лист с яркими красками заголовков. Святослав взял, не глядя, и засунул в карман. Тип посмотрел с сожалением, но промолчал и вернулся на позицию.

У гопников к этому моменту, похоже, закончилось пиво, и теперь, желая развлечений, подошли к типу с листовками. Тот с опаской вручил им пару штук. Гопники некоторое время вчитывались-всматривались, потом затеяли разговор.

Общение быстро перешло на повышенные тона. Через минуту типа с листовками стали толкать, а затем под неясные возгласы отобрали агитматериалы и разбросали вокруг.

Тип попытался их собрать, в этот момент из метро появился полицейский. Хулиганы ретировались, а тип с несколькими подобранными листовками и порванным плакатиком остался один на один с представителем правопорядка. Тот бросил пару фраз, взял неудачливого агитатора под локоть и повёл в метро. Святослав постоял ещё некоторое время, более-менее пришёл в себя и двинулся к дому.

Спал он плохо. Из-за высокой температуры снился бред про инопланетян, мировой заговор и революции. Проснулся измученный, с распухшим горлом и забитым носом. С трудом поднялся, пока отплеывался в ванной, решил пойти за больничным.

Перед выходом включил телевизор, чтобы узнать прогноз погоды. Хлебнул чая, но горло отзывается болью на каждый глоток, пришлось обойтись. Погоды не дождался, но краем уха услышал об неизвестных оппозиционерах. С месяц назад они побывали на какой-то иностранной тусовке, за что в новостях их клеймят иностранными агентами и едва ли не предателями.

В поликлинике сначала пришлось на повышенных тонах пообщаться с противной тёткой в регистратуре. Потом посидеть в одной очереди, после неё – в другой. В итоге, получив больничный, направился домой, рассчитывая завернуть в аптеку по дороге.

На полпути пришла смска – Ира напоминает про курьера.

Выругавшись, Слава попытался дозвониться до неё, но это не удалось ни сразу, ни в течение всего времени по пути домой. Прочие коллеги по телефону тоже ничего вменяемого не сказали. Никого нет в офисе, все в разъездах.

Пришлось ехать на работу, предстоят несколько часов мрачного настроения и лёгкой головной боли. Курьера Святослав встретил словно злейшего врага. Когда же вернулся домой – без сил грохнулся спать.

Следующие пару дней провалялся дома, смотрел фильмы и читал новости в сети. К концу воскресенья кино надоело, а сообщения, что Путин возвращается в президенты, стали раздражать. Вечером температуры уже не было, а горло стало болеть гораздо меньше.

* * * * *

Изрядно погудев в вечер пятницы и переночевав у друзей, Мандаринов решил всё же отдохнуть от отдыха и вернулся домой. Включил кофе-машину, выбрал в настройках самый крепкий и развалился в кресле с праздными мыслями.

Вообще-то Игорь Мандаринов вовсе никакой не Мандаринов. Этот псевдоним прилип к нему случайно, но понравился, потому Игорь стал называть себя так практически везде.

Началось всё холодной зимой. Тогда ещё не Мандаринов купил себе оранжевую куртку, то ли с пухом, то ли с синтепоном, в которой казался гораздо массивнее. Именно в ней в новогоднюю ночь и отправился на акцию «Стратегии-31». Самих организаторов кампании он не любил, но это не мешало участвовать в совместных мероприятиях.

По традиции всех забрал омон. Во время винтилова один из омонцев, наверное новичок, решил, что Игорь – главный организатор, и крикнул, чтобы держали Мандаринова. Видать, он имел ввиду Лимонова, но слабо разобрался в цитрусовых и сделал судьбоносную ошибку. С тех пор не Мандаринов и стал Мандариновым и зимой ходит в своей оранжевой куртке.

Мандаринов отвлекся от раздумий и полез в интернет. На днях он зарегистрировался в фейсбуке, где среди друзей не было раздражающих малолеток и постаревших толстых одноклассниц.

Взглянув на ленту новостей, открыл интересную ссылку, не дочитав, выругался, вскочил и заходил по комнате.

– Вот уроды, вот же уроды!

Через пару минут вернулся и прочёл статью полностью. Снова вскочил и заметался. Схватил айфон и, с трудом попадая дрожащими пальцами в нужные иконки, позвонил.

– Марк, привет. Ты уже видел новость?

– Ты имеешь в виду возвращение царя на трон? – спросил Гальперин.

– Ага.

– Да уроды, что тут говорить! – похоже, Марку новости тоже не по душе.

– Не, ну каковы сволочи! В нарушение конституции... произвол! – сказал Мандаринов, задыхаясь от гнева.

– Ты так возмущён, словно для тебя это прям такая неожиданность.

– Нет, но ведь так хотелось верить во что-то лучшее. А тут как серпом! Что делать-то теперь?

– Не знаю.

– Давай соберемся завтра где-нибудь в районе Арбата. Пораскинем мозгами, обдумаем всё.

– Оценим нашу, так сказать, диспозицию, – поддержал Марк.

– Ага! Нельзя же в такой момент сидеть и ничего не делать, в самом деле, – Мандаринов сделал рубящий жест рукой.

– А звать кого?

– Ну кого... Зови Митюшкину, Казакову. А я Царькову позвоню и Цвирову ещё.

– Договорились, – сказал Марк.

Вечер получился суетный. Сначала Игорь созвонился с двумя активистами, которые в растрёпанных чувствах рвутся куда-то бежать и что-то делать, но ещё не решили, что именно. Затем посмотрел свежие ролики со съезда Едра, где Путин с Медведевым поменялись местами. После этого посмотрел ленту в фейсбуке, которая взорвалась злыми постами, ехидными комментариями и демотиваторами на главное политическое событие года. Оставил несколько комментариев и пару лайков.

Спалось плохо, мешали эмоции предыдущего дня. Пробудившись, как всегда ближе к обеду, выпил кофе, почитал новости и отправился на встречу активистов.

К назначенному времени Мандаринов опоздал, но кроме Марка Гальперина никого не обнаружил.

– Привет, – сказал Мандаринов, протягивая руку.

– Здоров. Ну что, пойдём вдвоём пока?

– Пойдём.

Набрав еды, они устроились в дальнем от входа углу, чтобы никто не услышал их разговора.

– Есть какие-нибудь идеи? – спросил Мандаринов.

– Да какие тут идеи... Надо выходить толпой к Кремлю и выносить царя оттуда.

– Я имел в виду реалистичные идеи. Сам знаешь, сейчас не выйдет столько народа, чтобы вынести из Кремля хоть кого-нибудь. Народ у нас аполитичный и голосует за власть.

– Надо собрать ядро – несколько сотен, готовых стоять до конца. Вокруг них соберутся несколько тысяч или даже десятков тысяч. Потом весь народ присоединится. Тогда можно вынести любого, – махая руками, сказал Марк.

– Ну и где их взять, эти несколько тысяч или хотя бы сотен?

Тут подошла Надежда и после приветствий огорошила:

– Наша партия на следующей неделе сделает заявление и проведёт пресс-конференцию по поводу последних событий. Тут же налицо нарушение Конституции.

– Можно подумать, в первый раз, – усмехнулся Мандаринов, привыкший проводить вечера в автозаках после неразрешённых митингов и пикетов. – Ты так говоришь, словно они акции каждого тридцать первого числа не разгоняют.

– Да в самом деле, – поддержал Марк. – Не первый раз замужем. Апеллировать к СМИ нарушением конституции – чушь несусветная.

– Надо действовать, – громко сказал Мандаринов. – Нужен митинг на несколько тысяч человек против узурпации власти. Нужны люди на улицах – всё остальное режим не пугает.

– Да где ж их взять? – посетовала Надежда. – На наши митинги ходит двести-триста человек, и больше не становится.

– Да, потому что у вас глупые митинги! – воскликнул Мандаринов. – С глупыми целями и лозунгами.

– Правильно, – согласился Марк. – Надо просто выходить к Кремлю без всяких согласований.

– Чтобы тут же повинтили и покатали в автозаках, – возразила Надежда.

– Всем привет, – появился Царьков. – Как наши дела?

– Никак, – ответили все хором.

– Ну неправда – я в наблюдатели записался.

– На президентские выборы? – поинтересовался Марк.

– Не, на думские, в декабре.

Мандаринов выматерился про себя и сказал:

– Нафига? Какой смысл? Кого эти клоуны вообще могут интересовать?

– Так они же законы принимают, – возразил Царьков.

– Ничего они не принимают, штампуют, что сверху прикажут. Нечего на них время тратить.

– Я думаю, Петр прав, – сказала Надежда. – Нужно использовать любой путь, чтобы показать всю нелегитимность путинского режима.

– Ну, глупость же! – взвился Мандаринов. – Только толпы на улицах заставят режим сделать хоть что-то. А разве выборы эти могут вывести людей? Да никогда!

– А я думаю, что надо идти наблюдателем, – согласился Марк. – Петр, расскажешь, как записаться?

– Не вопрос.

Мандаринов угрюмо сидел и молчал, пока остальные воодушевленно обсуждали надо ли записываться в наблюдатели и как это сделать. Постепенно закипая, он какое-то время слушал эту болтовню, потом не выдержал, скупно попрощался и отправился домой.

По дороге прокручивал ситуацию и так, и эдак. Вариант записаться в наблюдатели отбросил сразу, как бесперспективный, но натура требует своего – нужно что-то делать. Без толп людей, хотя бы десяти тысяч, ничего не выйдет. Без этого режим не падёт. Но как вывести их на улицы – вот в чём вопрос.

Нет ни одной организации, которая не имеет отношения к власти и способна организовать массовые выступления десятков тысяч человек, не платя им деньги за участие.

Подходя к дому, решил устроить мобилизацию в отдельно взятом районе. Листовки можно недорого распечатать на принтере. Будет несложно расклеить их в лифтах и на лестничных площадках окрестных домов.

Чтобы открывать информационные стенды у подъездов, Мандаринов когда-то давно стянул шестигранный ключ в обслуживающей организации, после случая, когда они отказались разместить объявление о местном митинге против вырубания деревьев.

И один в поле воин, если ладно скроен.

В лифте он увидел листовку против самодержавия Путина, приклеенную к зеркалу. Кем бы ни был расклейщик, ему крупно повезло, что его не застучали жильцы подъезда или дежурный администратор у входа.

Листовка, похоже, приклеена недавно, вряд ли больше часа назад. Все края целые, нет ни единого следа, что кто-то пытался её содрать или испортить. Вариантов два: таинственный активист живёт в этом подъезде и прилепил её по пути домой или же кто-то целенаправленно расклеивает их по домам. Выяснить это сложно, на самой листовке никаких координат для связи, так же как и выходных данных типографии. Самиздат и кустарщина.

Возникла идея. Мандаринов вышел на своём этаже и вызвал другой лифт. Через минуту увидел листовку и в нём. Прошёл по коридору и нажал кнопку грузового лифта, там – то же самое.

Систематичный подход. И вообще умно – в лифтах камер нет, но надо проверить и подъезд.

Спустившись, распахнул дверь на улицу, осмотрел все стенды у входа – никаких следов, посотрудничать не получится.

Ничего, рано или поздно пересечёмся. Надо попробовать так же и посмотреть на результаты.

Войдя в квартиру, занялся дизайном своей листовки. В итоге она получилась сильно похожей на увиденную в лифте. Распечатав экземпляр, Мандаринов долго разглядывал лист. Решив, что для первого раза сойдёт, отправился спать.

Следующим утром он совершил личный подвиг – проснулся в восемь. Зарядил принтер на печать, пока тот скрипел, позавтракал и, сонный, с сотней листовок побрел к метро.

Час пик в самом разгаре. Подземка выплевывает порции офисного планктона одну за другой. Мандаринов встал в некотором отдалении от выхода и начал раздавать свою агитацию.

Дело сразу не задалось. Пришлось конкурировать с раздатчиками коммерческой рекламы, которых тут с полдесятка. За час работы удалось вручить листовок двадцать или тридцать, а мышцы плеч ноют, когда Мандаринов протягивает листы проходящим.

Старикан взял листовку, отошёл, изучая, затем вернулся.

– Вы что же это, против Путина? – воскликнул он.

– Конечно. Он же губит страну, – ответил Мандаринов.

– Да как же губит, – всплеснул руками старикан. – Россия встаёт с колен! А Путин нас защищает.

– От кого? – похоже, старик живёт в своём особенном мире, параллельном реальности Мандаринова.

– Как от кого! – удивился старик. – От Америки.

Он ткнул указательным пальцем вверх, словно Америка где-то там.

Случай клинический, но Мандаринов всё же решил прощупать почву.

– От Северной или Южной?

Лицо старика вытянулось.

– От Северных Штатов Америки, – уточнил он через секунду.

– Вы хотели сказать, от соединённых?

– Да, точно, – согласился старик. – Не молод я уже, память подводит.

– Бывают в жизни огорчения.

– Всё-таки вы не правы, – старик не понял сарказма. – Нужно Путина всячески поддерживать. А вы листовки дурацкие печатаете, деньги на них тратите.

– Да чего его поддерживать, – раздражённо возразил Мандаринов. – У Путина уже полномочий больше, чем у царей и генсеков вместе взятых.

– Да хоть и так. Главное, что пенсию платит. Я уж как вспомню лихие девяностые, как по помойкам приходилось еду собирать, так вздрагиваю.

– Можно подумать, сейчас по помойкам никто не шарится.

Старикан покачал головой и сказал:

– Всё же подумайте, вы должны поддерживать президента.

– Он ещё не президент, – зло кинул Мандаринов.

– Будет, – заверил дед и потопал от метро.

Мандаринов вздохнул и, продолжая протягивать листовки, посмотрел на удаляющегося старика. Тот остановился у одной из урн, поднял бутылку, потряс, избавляясь от остатков содержимого, и засунул в сумку.

Мандаринов с отвращением отвернулся, сплюнул под ноги и отправился на работу.

Пока ехал, обдумывал свой невеселый опыт. Решил после работы расклеить остатки листовок возле дома – раздача занимает слишком много времени, а эффекта – ноль. Нужны иные методы.

Зайдя в редакцию, увидел офис, напоминающий разворошённый муравейник. И единственная причина суеты – возвращение Путина. Рядовые журналисты бегают к редактору, выносят мозг, доказывая, что именно их статья самая-самая, и только она достойна быть на главной странице. Ажиотаж ухудшил и без того скверное настроение.

В задумчивости посидел на рабочем месте и пошёл в курилку. Хоть давно бросил, но, чтобы оставаться в курсе дел, заглядывает туда время от времени.

На лестнице никого не оказалось, словно абсолютно все заняты вернувшимся Путиным. Глупо курить, когда нет надобности изображать компанию. Мандаринов достал сигарету и, покручивая её, стал ждать, когда кто-нибудь появится.

Через минуту пришёл Павлик. Никто точно не знает, почему эту двухметровую бородастую детину зовут Павликом, потому как настоящее его имя – Глеб Борисов.

– Здорово, Мандаринов.

Игорь давно знаком с ним, но так и не привык к его тонкому голосу.

– Привет.

– Слыхал новость главную?

– Какую? – Мандаринов прикинулся, что не в курсе.

– Ну ты даешь! Путин же в президенты идёт.

– Павлик, это баян уже.

– А я только сегодня узнал. Как на работу пришёл.

Очень любопытно. Павлик пишет о внутривнутриполитических событиях, но вечно узнает всё последним.

– Ну и что думаешь? – поинтересовался Мандаринов.

– Я думаю, меня ждут премии. Теперь события повалятся, как из рога изобилия – только успевай статьи писать.

– Откуда такая уверенность? Всё останется по-старому. Путин-то фактически и не уходил никуда.

– Э, нет, – Павлик улыбнулся, а борода встопорщилась. – Есть эксклюзив, но только между нами, – он огляделся, придуриваясь. – Под ковром сейчас затеяли практически войну – пирога на всех не хватает.

– С чего вдруг не хватает?

– Не знаю. Так сказали источники, близкие к телу.

– Заливают твои источники. Так и будут Путин с Медведевым меняться каждые двенадцать лет, пока не помрут. А не помрут они ещё долго.

– Да ну! Не может такого быть. Я в своей статье на основе инсайда как раз и пишу, что после выборов в Думу в декабре Путина уйдут.

– И кто ж вместо него?

– Ну как кто – Медведев, ясно дело.

– Издеваешься? Это же ручной путинский медведь, который по его приказу разве что на велосипеде не ездит и на гармошке не играет.

– Да ну тебя, – махнул рукой Павлик. – Пойду эксклюзив дописывать.

Мандаринов покрутил так и не зажжённую сигарету и тоже пошёл на рабочее место. Нужно написать статью о реакции иностранных государств на возвращение Путина в президентское кресло. Сомнений, что случится именно так, нет никаких.

Как и задумывал, после работы расклеил оставшиеся листовки, но ни в тот вечер, ни на следующий день никто не позвонил и не написал по оставленным контактам.

* * * * *

Ко вторнику Святослав почти выздоровел и отправился делать снимок головы. Отличие платной клиники от бесплатной сразу бросается в глаза – никаких очередей. Не все могут себе позволить сделать томографию за несколько тысяч рублей, потому так малоллюдно. С изображением черепа отправился закрывать больничный.

Врачиха недолго изучала фото головы в двух проекциях.

– Ну что же, юноша, – дама в годах взглянула на Славу. – У вас кисты в носовых пазухах.

– И чем это грозит?

– Голова при простуде сильно болит?

– Сильно, – подтвердил Слава.

– Неудивительно – кисты большие. Малейшая инфекция будет вызывать болезненную простуду, возможны осложнения. Гаймориты...

– А как это лечить? – Слава оказался неприятно удивлён.

– Только хирургически. Нужна операция, – без колебаний заключила докторша.

– Серьёзная?

Перспектива прям совсем не радует, но если есть способ избежать мучений последних дней, нужно его использовать.

– Сейчас в большинстве случаев такие операции делают под местной анестезией через естественные отверстия в носу. Но, думаю, не в вашем случае – слишком узкий нос. Я могу вам выписать направление на приём в клинику больницу, сходите, они посмотрят и точно скажут, что вас ждёт. Хотите?

– Выписывайте, – обреченно махнул рукой Святослав.

На следующий день он явился в клинику больницу, попал на приём к мужчине средних лет, который изучал снимок гораздо дольше.

– Меня смущает плотность, – наконец, сказал он. – Есть вероятность, что это не кисты, а полип. Вы же знаете, что такое кисты?

Слава мотнул головой.

– Кисты – это такие, грубо говоря, кожистые мешочки с жидкостью внутри. Поэтому размер кист не особенно важен – прокалываем, откачиваем жидкость, а остатки тканей удаляем частями. Это всё можно сделать под местной анестезией.

– То есть без больших разрезов?

– Да вообще без разрезов. Но это если речь о кистах. А если полип... это такая плотная разросшаяся слизистая... такой способ не пройдёт, и придётся делать прокол под общим наркозом.

– И как быть? – растерялся Слава.

– Для начала изучим ваши кисты через эндоскоп, если потребуется, возьмем пробу на анализ. По результатам решим, какой тип операции возможен. Но тут за один подход не решить и без стационара не обойтись. Будете ложиться?

– Буду, – вздохнул Святослав.

Спустя десять минут его записали на стационарное лечение. Через два месяца нужно явиться в ту же клинику.

Из больницы поехал на работу. Всю дорогу пятничная тема с договорами, привезенными курьером, не давала покоя. Думал, как бы посильнее задеть Иру, чтобы вежливо по форме, но больно по сути.

Стёб над внешностью только озлобит, а нужна моральная капитуляция без попыток к сопротивлению. В итоге остановился на симметричном варианте – выдернуть девушку во время отпуска или отгула. Составление конкретного плана отложил на более позднее время.

В офисе коллеги посочувствовали болезни.

– Ой, Славик, ты меня извини, что я тебя вытащила больного на работу.

Похоже, испытывает вину, и вроде не наигранно.

– Переживу, – сказал он вслух.

– Ну, если что, я могу помочь с чем-нибудь.

– Хорошо.

Если вина настоящая, то следует её поддерживать и развивать. Потом можно будет использовать.

День выдался будничным, благо не четверг. К вечеру подтянулись оба менеджера по продажам. Точнее, ввалились в офис, рыча друг на друга и едва не кидаясь в драку.

Они полные противоположности, но занимаются одной и той же работой. Сергей похож на заводную игрушку – носится весь день, Максим же типичный флегматик – неторопливый и обстоятельный. Они отличаются даже внешне: Сергей высокий, тощий, как жертва пропаганды анорексии, а Макс с лишними килограммами и ростом ниже среднего.

Несмотря на непохожесть, они отлично ладят, если не спорят на футбольные темы.

– Мальчишки, не ссорьтесь, – вмешалась Ира.

– Да ты – идиот, не шарить, – прошипел Максим, не обратив на девушку внимания. – Проклятые америкосы раскатали мирную Ливию в плоский блин, а наш медвед им в этом помог.

– Какой медвед? Он – ничто, карманная болонка Путина! Говорящая голова.

– Сам ты – говорящая голова.

Все повернулись в сторону двери, наблюдая за бурным словоизлиянием с интересом и недоумением. Святослав тоже воззрился на них с удивлением. Никогда раньше не замечал ни за одним политизированности, с чего вдруг сцепились?

– Да у меня хотя бы голова есть, а в ней два глаза. Я хотя бы вижу, что происходит, – сказал Сергей. – А у тебя ни мозгов, ни глаз. Как можно считать Путина хорошим, а Медведева плохим, если они в одной команде?! Разуль ты глаза.

– Медведев – ставленник либералов, а Путин – патриот. Ни в какой они не в команде.

– Так, хватит, – вышел из своего директорского кабинета Семён. – Хотите ругаться, делайте это вне офиса, и не в рабочее время.

Оба замолчали и расползлись по местам.

Странно. Если бы поспорили о крутости любимых команд, было бы понятнее. Или из-за бабы по-пьяни подрались. Но спорить на трезвую голову о такой глупости... Мир сходит с ума.

Слава позволил себе небольшую слабость, сослался на плохое самочувствие и ушёл с работы чуть раньше. В лифте своего дома увидел налепленную листовку, призывающую идти на митинг против передачи власти от Медведева Путину.

Похоже, у психов массовое обострение.

Он попытался оторвать листовку, но та приклеена на совесть, удалось только куски с краев ободрать. Заходя в квартиру, вспомнил, что похожую листовку вручили у метро в четверг. Порылся в карманах, нашёл помятую бумажку. Развернул – в самом деле похожа, но эта абстрактная – против всего плохого, а в лифте листовка, призывающая на митинг.

Маразм крепчает.

Глава 2

Призрак проснулся от просьбы стюардессы пристегнуть ремни перед посадкой. Когда спустились ниже границы облаков, взглянул в иллюминатор – во Внуково раннее утро, серость и мгла.

Он подошёл к стойке паспортного контроля, протянул документы. Девушка пролистала книжицу, взглянула на фотографию, затем на Призрака. Тот улыбнулся, уверенный, что, встретить она его через пять минут, не узнает: невыразительное лицо без примечательных черт – специфическая необходимость в профессии.

– Павло Ковальски, – произнесла она, словно констатируя. – С какой целью прибыли в Россию?

– По работе, – ответил Ковальски по-русски без малейшего акцента.

Девушка поставила печать и вернула документы.

– Удачного пребывания в России.

– Благодарю.

«Ну что же», – подумал Призрак, выходя в сумрачное утро к месту парковки такси. – «Югославия, Грузия, теперь и Россия. А я теперь – Павло Ковальски, американский еврей с польскими корнями. Любопытно».

Прошло почти три месяца с момента, когда было принято решение об оживлении легенды «вождя-патриота». В ближайшие полгода именно Ковальски будет отвечать за разработку работоспособной легенды, чтобы обесмыслить и без последствий нейтрализовать усилия аборигенов-интеллектуалов.

Назвав таксисту адрес квартиры, заранее снятой неподалеку от одной из конечных станций метро, достал смартфон и проверил статус посылок – всё по графику, к вечеру доставят. Самостоятельная операция, и такое приятное чувство независимости. Сам заботишься об инфраструктуре, создаешь штаб, заказываешь оборудование.

Прибыв в новый дом, принял душ, выпил растворимого кофе, отплевался, заказал кофе в сети. В дверь позвонили – прибыли купленные накануне смартфоны и местные сим-карты.

Посмотрел почту. Макфол, как и обещал, прислал список кандидатов, которые могут стать элементами легенды. Этим людей разрабатывали местные спецслужбы, как раз для подобных случаев.

Сами они никогда не занимаются легендированием без присмотра. Единственная их кампания – накачка Медведева – прошла в лучшем случае на троечку, и то пришлось помогать, чтобы не завалили. И теперь Арбитражи не доверяют операции такого уровня местным. Их роль в лучшем случае – быть на подхвате, делать тупую работу, которая не требует интеллекта и умения обращаться с прогностическим аппаратом.

«Что ж, посмотрим», – подумал Ковальски и начал изучать досье объектов.

* * * * *

Два месяца после заявления Путина о возвращении в президенты Мандаринов провёл бессмысленно. Первоначальное намерение достучаться до обывателей, чтобы они вышли на улицы с протестами, реализовать не получилось. Идея с листовками, интернет-агитация, сбор местных митингов против взяток в ЖКХ, собрания жильцов – всё провалилось, ничего не дало результатов. Обыватели сидели по домам, и Мандаринов никак был не способен завладеть их мозгами.

Позже он даже пошёл было в наблюдатели, как все политизированные знакомые, но и тут его завернули без объяснения причин.

Мандаринов сидит на работе, ничего не делая – статья никак не получается. Он отвлёкся и, стал просто шарить по сети.

Смарт запиликал вызовом.

– Надежда, привет.

– Привет, Игорь. А ты знаешь, что оппозиция собирается в день выборов на площади Революции?

– И зачем?

– Попробуем пройти к Кремлю. Инициаторами стали несколько левых организаций, но многие из нашей партии решили присоединиться.

– А как же наблюдения за выборами?

– Так зарубили же. Многих наших выкинули, оставили только ничего не значащих наблюдателей без права голоса.

– А смысл таких наблюдений? – удивился Мандаринов.

– Вот именно, что никакого. Так что, ты пойдёшь?

– Конечно. Где встречаемся?

– В метро, на Новокузнецкой, без пяти минут три. За пять минут доедем до Театральной и в три часа толпой вывалим на площадь.

– Договорились. Я буду.

– Позвони по возможности знакомым.

Мандаринов отложил телефон и тут же впал в мечты. Толпа вывалит из метро и двинет на Кремль, омон, конечно, будет, но его легко оттеснить, если выйдет хотя бы пара тысяч человек. А если выйдет пять, то никакого омона не хватит такую массу удержать и запихать обратно в метро.

– Игорь, там шеф спрашивает про статью, напиши ему что-нибудь, – сказал своим тонким голосом возникший рядом Павлик. Кажется ещё более бородатый и лохматый.

Мандаринов с неохотой отбросил воображаемую картинку и вернулся к ненавистной статье.

* * * * *

В понедельник с утра Святослав, основательно подготовившись к жизни в больничке, с пачкой результатов анализов и внушительных размеров сумкой прибыл на регистрацию. А через полчаса он оказался в палате на пять человек. Все кровати заняты, но самих пациентов нет, наверно на процедурах и приёмах.

Ну и хорошо – ни с кем знакомиться не надо.

Включил ноут, вытащенный из сумки, подключил смарт и улёгся на кровати, окунувшись в сеть. Погружение продлилось недолго – в палату вошла молодая женщина.

– Добрый день, – сказала она. – Давайте знакомиться. Меня зовут Виктория Владимировна, и я буду вас лечить.

– Калязин, – услышал свою фамилию Святослав.

– Ага, это я, – он сел на кровати.

Женщина полистала карточку.

– У вас ведь ещё снимки есть. Возьмите их на осмотр.

Слава утвердительно промычал и полез в сумку.

– Подходите через пять минут к смотровой, – закончила она и удалилась.

Святослав ещё немного пошарился по сети. Встал, взял чёрные листы полупрозрачного пластика со снимком собственного черепа и отправился к кабинету.

На осмотр оказалась очередь в нескольких человек. Слава сел на скамейку и настроился ждать. Но народ проходит резво, параллельно туда-обратно шастают и другие пациенты. За дверью кто-то вскрикнул, потом донёсся хлюпающий звук, смачно чавкнуло, раздался стон и вздох облегчения.

Мышцы ног стали дёргаться. Дальше – больше. Вошел в кабинет Слава уже на подкашивающихся ногах.

– Присаживайтесь, – Виктория указала на один из стульев у стола с инструментами.

Таких столов вдоль стены стоит несколько. Рядом с некоторыми бедняги отходят после процедур, рядом с другими – несчастные только ожидают, нервно поглядывая на ряд металлических инструментов.

Хорошо ещё не вопит никто.

Святослав сел на круглый стул, прижался спиной к стене, выложенной кафельной плиткой. Виктория села напротив, чуть сбоку, включила лампу и опустила на один глаз круглое зеркало с прорезью для обзора.

Сейчас, под светом лампы, Слава обратил внимание на красивый цвет глаз своего доктора – зелёная радужка с жёлтыми лучиками.

Женщина осмотрела сначала уши, в горле куда-то потыкала узкой металлической пластиной, потом очередь дошла до носа. Тут Святославу, со вставленной в нос железной воронкой, пришлось наклонять голову и так, и эдак. Потом воронка переместилась в другую ноздрю, и процедура повторилась.

Взяла снимки, которые Святослав всё это время держал в руках. С минуту изучала на просвет лампы, отложила и что-то записала в карточку. Затем повернулась к Святославу.

– Есть два варианта. – начала она. – Завтра сделать операцию под общим наркозом, у нас пока есть свободный анестезиолог. В этом случае мы вас можем выписать уже в пятницу.

– А второй? – спросил Святослав, изучая необычные глаза.

– Завтра под местной анестезией возьмём пробы из пазух. К среде результаты будут готовы. Если это кисты, в среду же делаем операцию под местным обезболиванием. А в пятницу также выписываем.

– А если не кисты?

– Это вполне вероятно. В этом случае, делаем операцию по первому варианту, но не раньше в четверга.

Слава раздумывал недолго.

– Давайте сначала пробы возьмём. Не хочу я общий наркоз, говорят, он вреден для мозгов.

Виктория улыбнулась уголками губ.

– Ну что ж, тогда проведём завтра, а сейчас можете идти в палату.

– А нужно как-то подготовиться? – вставая, спросил Святослав.

– Ничего особенного. Ну, разве что, в туалет перед операцией сходите, чтобы дискомфорт не было.

– Понятно.

До самого вечера никто из врачей не обращал на Славу внимания, даже обидно. Какое-то время бесцельно слонялся, услышал краем уха разговор медсестер, которым пообещали неприятностей, если они не пойдут на выборы и не проголосуют за «Единую Россию».

Спалось скверно, практически никак, соседи всю ночь словно соревновались, кто кого перехрапит, задремать удалось лишь к утру. Только провалился в сон, позвали завтракать.

Пробормотав ругательства, попытался снова уснуть. Но едва удаётся забыться, тут же выдёргивает какой-нибудь звук: то кто-то харкает и сплёвывает в раковину в углу, то чей-то телефон звонит, то дверь хлопает.

Поспишь тут, как же.

Пришлось с тихими проклятиями вставать и плестись за едой.. После завтрака только устроился с ноутом на пузе, как вошла смуглая медсестра невысокого роста:

– Это вы Калязин? – спросила она, обращаясь к Славе.

– Я, – кивнул он.

– На операцию оденьте вот эту одежду, – она положила на тумбочку стопку. – А свою – поверх, чтобы дойти до операционной.

– Понятно.

– И ещё – нужно побриться, – добавила она, взглянув на Святослава.

– Хорошо, – ответил тот и полез за бритвенными принадлежностями.

Пока брился, позвали на уколы, с которых вернулся, прихрамывая на левую ногу. Только аккуратно присел, снова услышал свою фамилию – нужно таблетки забрать. Проглотил пару штук и улёгся пошарить в сети, но появилась Виктория Владимировна.

Прям как на работе – ни минуты покоя.

Троих она сразу отправила в процедурный кабинет, потом обратилась к последнему оставшемуся, кроме Славы, пациенту.

– Кирилин, вы у нас тоже с кистами, но результаты анализов будут готовы только сегодня, потому операция завтра или даже в четверг.

– Хорошо, – отозвался худощавый мужичок средних лет с нервным тиком глаза.

– А от вас, – Виктория обратилась к Святославу, – мне нужна подпись на хирургическое вмешательство.

Женщина протянула Святославу бланк и ручку. Тот пробежал текст глазами, вписал фамилию, дату и расписался.

– Примерно через час начнём, – добавила она. – Медсестра вас предупредит.

Она удалилась, а Святослав, засунув наушники в уши, начал шарить по сети. Скоро все пациенты вернулись с осмотра, а через час в самом деле появилась медсестра.

– Одевайте стерильную одежду и выходите, – обратилась она к Святославу.

Он влез в короткие белые штаны, надел белую рубаху, а сверху – домашне-больничный костюм из спортивных шаровар и толстовки.

Медсестра довела его до раздевалки перед операционной. Здесь разоблачился до белых одежд, нацепил бахилы и вошёл в зал. Вместо операционного стола увидел два операционных кресла, в одно из которых его и усадили.

Вошла Виктория с маской на лице, которая оставляет открытыми только зелёные глаза.

– Процедура несложная, – начала она. – Это даже не полноценная операция, но если вдруг станет плохо, почувствуете головокружение или ещё что-то, тут же скажите.

– Я понял.

Виктория засунула ему в обе ноздри тампоны с каким-то препаратом.

– Подождём пару минут, пока подействует, и сделаем укол.

Медсестра включила стоящий на столе рядом прибор, подключенный к обычному монитору. Экран засветился, но никакой картинке не показал.

После тампонов никакого укола Святослав не почувствовал.

– Сейчас я буду слегка покалывать, скажите, если что-то почувствуете.

Она продолжила колдовать над носом.

– Ну как?

– Не знаю, я ничего не чувствую.

– Ну что ж, тогда приступим, – как-то весело произнесла женщина.

Она взяла один из инструментов, соединённый проводом с прибором.

– Это не больно, но может быть какой-то дискомфорт. Не дёргайтесь и не напрягайтесь, просто смотрите вверх.

Через мгновение трубка инструмента оказался в носу Славы, а экран показал картинку, которую он уже не увидел.

Спустя минуту инструментов в носу прибавилось, а через пять – женщина извлекла всё прочь и положила в пробирку крошечный кусочек ткани. Ту же процедуру повторила с другой стороны. А потом, отложив инструмент, выключила прибор.

– Что, и всё? – Святослав даже разочаровался слегка.

– А что ещё? Пробы взяли, пока хватит, – Виктория всё также улыбнулась уголками губ.

Слава пожал плечами.

– Можете идти в палату.

До вечера анестезия прошла, лишь передние зубы оставались онемевшими. Святослав всё это время прокрастинировал в сети, прерываясь на еду и уколы.

После ужина и кефира он всё также серфил в интернете, когда к нему на стул подсел сосед с нервным тиком. Святослав вытащил наушник.

– Меня Алексей зовут, – сказал он слегка приглушённым голосом.

– Святослав.

– Утром я слышал, что у вас кисты, как и у меня.

– Точно не известно. Сегодня как раз пробы брали.

Его глаз задёргался чаще.

– Да обычно это так и бывает.

– Что бывает? – не понял Слава.

– Обычно диагностируют либо плотные кисты, либо полипы.

– Да, у меня как раз неизвестно, что-то одно из двух, – непонимающе ответил Святослав.

– На самом деле у вас ни то, ни другое, так же как и у меня.

– Не понял.

– Что вы знаете о керамических имплантах?

– Ну как сказать, один мой знакомый зуб себе керамический ставил. Или метало-керамический, не помню..., – недоумённо ответил Слава.

– Я о тех имплантах, которые ставят недобровольно и, как правило, без ведома носителя.

– Чего? Это как?

– Ну как – усыпляют человека, внедряют в организм импланты, возвращают обратно. Ни один рентген не покажет. Только томография.

– Вы это серьёзно? И как это выглядит? Где усыпляют? Кому и зачем это надо? – Святослав начал подозревать, что перед ним городской сумасшедший.

– Похищают обычно люди в чёрном. Меня, по крайней мере, похитили они.

– А, ну конечно. Кто ж ещё, в самом деле, – съязвил Слава.

– Я понимаю, что в такое нелегко поверить, тем более сразу, поэтому предлагаю не верить, а убедиться на собственном опыте.

Явно параноик, но какая-то логика ему, похоже, не чужда.

– И как?

– Пойдёмте со мной.

«Дёрнул же чёрт связаться», – промелькнула мысль, но любопытство одолело.

– Надеюсь, не далеко?

– О, нет. Даже спускаться не придётся.

Прошлёпали по коридору до туалета в углу здания. Алексей вошёл первым и приблизился к окну. Всмотрелся в сумерки и сделал приглашающий жест. Святослав взглянул на улицу через плечо.

– И что? – спросил он, ничего не заметив.

– Машину видите?

Большая часть больничной стоянки скрыта во тьме. Единственный фонарь тусклым светом выхватывает маленькую её часть. Автомобиль скрыт в тени, лишь приглядевшись, можно различить его силуэт.

– Вижу. И что это доказывает?

– Посетителям и пациентам запрещено оставлять машины на внутренней территории больницы.

– Может, это машина какого-то дежурного врача?

– Да никакого она не врача, – прошипел сосед. – Она стоит тут постоянно. И будет стоять и завтра утром, и завтра вечером и послезавтра! Всегда, пока мы здесь.

Алексей отошёл от окна и направился в палату. Святослав глянул на машину и последовал за ним.

Ночь снова началась так себе. Соседи продолжили соревнования по храпу. Слава терпел какое-то время, потом взял одеяло, подушку и устроился на каталке у стены в коридоре.

Во сне где-то на периферии сознания вертелась мысль про искусственные импланты, и, когда он ворочался, каталка смещалась к центру коридора.

Очень рано его разбудила какая-то из медсестёр, которая сама, похоже, недавно проснулась и потому не удивилась пациенту спящему на каталке посреди коридора. Приоткрыв один глаз, Слава добрался до своей кровати, бухнулся и быстро уснул. Но долго поспать не дали. Чёртовы уколы.

После процедур только собрался подремать до завтрака, как вспомнил, про автомобиль. Взглянув через окно уборной, обнаружил машину на том же месте, хмыкнул и отправился в досыпать.

После манной каши с бутербродами задремал. Только что-то начало сниться, как разбудил голос медсестры.

– Кирилин?

– Вышел куда-то, – послышался чей-то ответ.

– У него операция через час. Передайте ему, пусть стерильную одежду наденет.

– Передам.

И только снова перед глазами начали появляться картинки сна, раздался звук открываемой двери.

– Тут медсестра одежду принесла, – сказал тот же голос.

Похоже, Кирилин появился.

– Спишь? Проснись, – раздалось совсем рядом, и кто-то потряс за плечо.

Слава разлепил глаза и увидел рядом Кирилина, сидящего на стуле.

– Машину помнишь? – спросил тот дрожащим голосом.

– Помню, – недовольно пробубнил Святослав.

– Они вошли в здание, – нервным шёпотом сказал Кирилин.

Беднягу что-то испугало: веко дёргается, глаза мечутся.

– Кто это – они?

– Люди в чёрном.

– А-а-а... И что?

– Я думаю, они поднимаются в наше отделение и будут на моей операции, – в голосе прорезались истеричные нотки.

– Зачем?

– Ну как зачем?! – воскликнул Кирилин. – Чтобы изъять импланты.

– Глупость какая-то. Нет никаких имплантов.

Кирилин никак не среагировал и задумался.

– Погоди-ка, – вдруг произнёс он. – А что, если... А если мне импланты хотят не удалить, а наоборот, вставить?

Святослав окончательно проснулся и решил, что перед ним параноик с мозгами набекрень.

– Так и есть, – рявкнул Кирилин, впадая в истерику.

– Да погоди ты. Не ори. Успокойся.

– Как успокоиться?! – закричал Кирилин. – Меня хотят лишить разума. Как я могу быть спокоен.

Остальные пациенты палаты никак не прореагировали, лишь наблюдают с опаской. На крик заглянула медсестра.

– Что тут происходит? – спросила она, остановившись в дверях.

– Я не хочу операции, – проверещал Кирилин.

Сестра растерялась.

– Но вы же сами настаивали...

– Да, настаивал. А теперь отказываюсь!

– Ну хорошо, вы не кричите только. Сейчас доктора позову.

– Не надо доктора, я ухожу.

Кирилин бросился к своей кровати, вытащил из-под неё сумку и начал лихорадочно кидать свои вещи.

– Я всё же позову доктора, – медсестра окончательно растерялась. – Не можем же мы вот так вас отпустить.

Параноик замер.

– Что значит, не можете отпустить? – он побагровел, а веко стало дёргаться каждую секунду.

– Ну, надо же вас выписать, написать отказ от операции, – растерянно попыталась объяснить медсестра.

За спиной медсестры возникли два высоких человека в чёрных плащах и солнцезащитных очках. Декабрь же, солнца не видно. А они в очках.

Кирилин вскинул руку в их сторону и закричал:

– Это они! Они! Не подходите!

К двери в палату подошла Виктория.

– Что такое? – спросила она.

– Боюсь, мы вынуждены забрать вашего пациента, – произнёс человек в чёрном. – Все формальности улажены. Вот приказ главврача, – он протянул какую-то бумагу.

Кирилин как-то сник, забрался на кровать с ногами, обхватил колени руками и уставился в пространство, покачиваясь и беззвучно шевеля губами.

– Но... Но кто вы такие? – опешив, спросила женщина.

– Это неважно, – ответил человек в чёрном.

Второй без слов вошёл в палату, подошёл к Кирилину, взял под локоть и потянул с кровати. Тот покорно двинулся, не делая попыток сопротивляться. Покинув палату, они направились к выходу с этажа.

Второй человек в чёрном что-то сказал медсестре, стоящей в дверях, и пошёл вслед за напарником. Девушка вошла, собрала все вещи Кирилина и спешно удалилась с сумкой.

Слава выглянул в коридор и увидел, как один из людей в плащах, получив сумку из рук медсестры, исчез в раскрытых дверях грузового лифта, который через секунду поехал вниз.

Святослав пошёл к туалету, откуда виден автомобиль, вызвавший подозрения Кирилина. Машина всё там же, а рядом прохаживается тип в чёрном плаще и солнцезащитных очках.

Через пару минут появились двое других. Кирилин идёт в своей больничной одежде, скрючившись от холодного ветра и прижимая обеими руками сумку к груди. Беднягу посадили на заднее сидение, двое устроились по бокам. Прогуливающийся тип сел на место водителя, и машина покинула территорию больницы.

Святослав в задумчивости постоял ещё минуту и пошёл в палату, где застал медсестру, деловито убирающую постельное белье с кровати Кирилина, словно его выписали обычным порядком.

– Что это было? – ровным голосом спросил Святослав сестру.

– Мне не докладывают, – резко ответила она, стараясь не глядеть на Славу и скрыть испуг.

Прочие пациенты не проявляют каких-либо признаков волнения по поводу произошедшего. Один уткнулся в сканворды, другой – в журнал про автомобили, третий же просто лежит с закрытыми глазами, хотя вряд ли кто-то способен быстро уснуть после такого.

До обеда процедурная пустовала и никого не вызывали, похоже, врачи тоже в замешательстве. Во второй половине дня Святослав подкараулил своего доктора в коридоре и начал разговор издали.

– Виктория Владимировна, готовы ли результаты моих анализов?

– Да. Там ничего страшного – кисты с густым содержимым. Будем делать щадящую операцию.

– Это хорошо. У меня вопрос есть.

– Что такое?

– Видите ли, – сделал небольшую паузу Слава, – такие же кисты были и у Кирилина, которого так спешно эвакуировали.

– И что? Какая связь между психическими заболеваниями и наличием кист? – удивлённо ответила Виктория.

– А что? Кирилин психически болен?

– Ну конечно! Вот доктора и повезли его в более подходящее заведение.

– А с чего вы взяли, что это были доктора?

– А кто же это ещё мог быть? – удивилась женщина. – Ну, и приказ главного врача прямо об этом говорит.

Святослав смутился, похоже, психические болезни так же заразны, как и грипп. Излишняя подозрительность передалась ему от параноика.

– Что-то не так? – спросила Виктория, наблюдая.

– Да нет, всё нормально. Просто я не каждый день вижу истерики психов.

– А я, так вообще в первый раз, – её голос потеплел. – Готовьтесь, завтра операция, – сказала она и направилась в ординаторскую.

Святослав в задумчивости пошёл по коридору. Получается, что больного на голову человека увезли в психушку, после того, как у него случился срыв. А он сам просто неосознанно поверил бредням воспалённого сознания. Но спасительная интерпретация удержала на грани не долго.

Как-то слишком не стыкуется, слишком много вопросов. Почему санитары ездят не на специализированных машинах? Почему оставляют их под окнами ночью? Почему так странно одеты?

Святослав решил зайти с другой стороны, постарался вспомнить вчерашний разговор с Кирилиным. Тот говорил про керамические импланты и людей в чёрном.

Первые ссылки, выданные поисковиком на запрос «керамические импланты» оказались на стоматологические клиники. А запрос «люди в чёрном» выдавал ссылки на голливудские фильмы.

Отфильтровав результаты, на пару часов Святослав основательно погрузился во всякие уфологические и конспирологические теории заговора, большинство из которых говорит, что пришельцы при помощи людей в чёрном, которые тоже непонятно кто, заключили соглашение с правительствами крупных стран и проводят эксперименты над людьми. Импланты же являются чем-то вроде штрих-кода, по которому идентифицируются подопытные и отслеживаются их перемещения.

Слава в раздражении захлопнул ноутбук, большую чушь сложно придумать. Он бы и рад отбросить эти глупости, если найдётся гипотеза, лучше объясняющая докторов в чёрных плащах на тонированных авто. Остаток вечера провёл, прокручивая в голове ключевые положения уфологических теорий, и, незаметно для себя, уснул.

На следующий день после утреннего моциона взглянул на стоянку и к своему удивлению обнаружил ранее виденный автомобиль. Машина на том же месте, а рядом никого нет.

Да что ж за хрень творится?!

Валяясь на кровати и отчаявшись унять чувство тревоги, решил прогуляться. Напялил ботинки, накинул куртку и вышел из палаты. Спустился с четвёртого этажа и окунулся в утренние сумерки.

Конец ноября теплее, чем обычно, но всё равно неуютно. Порывы ветра бросают в лицо острые крупинки льда, совсем не похожие на снежинки, а хмурое небо ничуть не поднимает настроение.

Издали Слава принял машину за одну из не новых моделей «Вольво», поэтому сильно удивился, когда оказался рядом. Такой угловатый кузов с квадратными фарами он видел только в паре голливудских фильмов. Если это в самом деле люди в чёрном из бредовых теорий конспирологов, то они очень консервативны. Автомобиль оказался «Линкольном» каких-то лохматых годов прошлого века, почти раритет для одиннадцатого года века двадцать первого.

Поглядел в салон через лобовое стекло: впереди – никого. Обошел с боков, но что сзади – не разобрать из-за пасмурного дня и мощной тонировки на дверях. Номер московский, без престижных комбинаций цифр или букв.

Появилась идея. Покрутил головой, оглядывая территорию. Никого не увидев, приблизился к раритетному авто, ударил по капоту ладонью и тут же отскочил. Ничего не произошло – никаких визгов сигнализации и моргания фарами.

Может, слабо ударил?

Решил повторить. Снова приблизился и замахнулся, прикидывая силу удара.

– Могу я чем-то помочь? – раздался голос откуда-то сбоку.

Святослав вздрогнул и развернулся. Метрах в пяти, спиной к крыльцу корпуса, из которого Слава вышел несколько минут назад, стоит незнакомец в чёрном плаще и солнцезащитных очках. Откуда взялся – непонятно.

– Хорошо видно в сумерках? – брякнул первое, что пришло в голову, тут главное не пасовать и не показывать испуга.

– Всё видно.

Человек неподвижен, а на лице никаких эмоций.

– Вы кто такой?

– Врач.

«Вот зараза. Врёт, и ноль эмоций» – выругался про себя Слава и добавил вслух. – И от чего лечите?

Ответа не последовало.

Святослав двинулся ко входу в больницу, обходя незнакомца под дуге и следя за ним краем глаза, тот никак не среагировал, лишь взглядом проводил. Когда путь оказался свободен, Слава едва сдержался, чтобы не побежать. Часто оглядываясь на продолжающего стоять незнакомца, дошёл до двери, а когда оглянулся последний раз, не увидел фигуры в плаще.

Святослав уселся на кровати по-турецки и задумался.

Что-то происходит, но что – непонятно. И посоветоваться не с кем. Вертится мысль про «людей в чёрном» – помощников пришельцев. И не отгонишь никак – лучшего объяснения нет.

Самое скверное, становится понятен интерес людей из машины к персоне Славы – всё дело в кистях. Если верить пропавшему Кирилину, это никакие не кисты, а импланты из керамики. Но в этом случае Виктория Владимировна в курсе происходящего и наверняка активно помогает. Дальше – больше, эксперт, который делал анализы, также получается замешан. И главврач, который это всё покрывает, подписывая приказы на перевод в психушку.

Как-то слишком много задействованных фигур. Слишком ненадёжно. Чем больше участников, тем сложнее поддерживать всю совокупность лжи.

Может ли персонал больницы использоваться втёмную? Это бы прояснило кое-что. Насколько рискованно ложиться на операцию?

В конце концов, есть же у него эти кисты, или что они там, ведь он же сам сделал томографию, сам согласился на операцию. Не похоже, что кто-то жаждет внедрить в организм что-то, как считал Кирилин. Плюс сама операция не под общим наркозом – можно понять, что именно делают. Или нельзя? Тут Святослав засомневался. С таким уровнем техники, когда в нос вставляют прибор и что-то там делают, не всегда поймёшь, что происходит.

Во время завтрака Слава продолжил размышлять, даже не осознав вкуса еды. Вернулся в палату, где его уже ждёт знакомая одежда для операции. Он сел на кровать.

Чёрт, надо что-то решить!

В палату вошла Виктория Владимировна.

– Нужно ваше согласие на оперативное вмешательство, – сказала она, протягивая бланк.

Святослав очнулся и поставил роспись. Теперь пути назад нет. Если устроить такую же истерику, как параноик Кирилин, его ждёт та же участь.

– Через полчаса приступим.

В этот раз порядок тот же – белая одежда, кресло, анестезия, странное устройство в носу, картинка на мониторе. Но теперь процедура дольше.

Перед глазами всё время виднеется букет из рукояток, как у ножниц. Периодически Виктория меняет устройства.

– Что чувствуете? – спросила она минут через десять после начала.

– Давит слегка.

– Это нормально. Всё хорошо. Жидкость из кист удалили. Теперь займёмся остатками кисты.

Святослав облегчённо вздохнул. Нет никаких имплантов – всё фантазия воспалённых мозгов.

Пару минут в голове раздавались звуки, словно действуют не хирургические инструменты, а огромный экскаватор ворочает десятками тонн.

– Хм, любопытно, – произнесла женщина.

– Что? – напрягся Слава.

– Редко такое бывает. У вас тут песчинка, хотя какая песчинка – четыре-пять миллиметров, скорее, мелкая галька, – она улыбнулась.

Святослав похолодел.

– Это опасно?

– О нет. Видимо, во время купания попала в полость. Это, конечно, большая редкость, да ещё таких размеров. Появление кисты отчасти связано как раз с этим инородным телом.

Иностранное тело!

– Но страшного ничего нет – извлечём, она вполне пройдёт.

Через минуту от веера рукояток перед глазами осталась только пара.

– Вот и всё, – Виктория убрала одну из рукояток.

Раздался неприятный звук удара камня о железо. Святослав скосил глаза, но не смог увидеть посудину, куда попадают все продукты операции.

– Ох, ох, – Виктория засуетилась, и снова начала вставлять инструменты.

Слава почувствовал, что из носа потекло. Во рту появился привкус крови.

– Держите и сплёвывайте, – женщина протянула ему кусок ткани размером чуть меньше простыни.

Дорожка из носа достигла подбородка и каплей сорвалась вниз. Святослав вытолкал накопившуюся во рту дрянь, та слишком густая и липкая, чтобы просто плюнуть в салфетку.

Виктория орудует устройствами, но смысл действий непонятен. Что случилось, не ясно.

– Ух, какой кровавый, – произнесла она через минуту. – Вот, кидайте, – она протянула ему посудину, в которую до этого складывала всё, что извлекла из Славы.

Святослав увидел небольшие ошметки тканей и чёрный шарик чуть меньше горошины с хвостом из красно-бурых сгустков несколько сантиметров длиной. Выбросил салфетку. Во рту ещё остается противный привкус, но кровь больше не идёт.

– Всё в порядке? – спросил Слава.

– Да, в целом всё нормально, – ответила женщина, глядя на монитор. – Структура кисты оказалась несколько иной, оказались задеты окружающие ткани, оттого и кровотечение. Но я зашила ранку, сейчас уже всё хорошо.

– Жить буду, значит, – констатировал Святослав.

– Несомненно. Давай передохнём пару минут и перейдём к другой стороне.

Опять перед глазами букет.

– Ну, это уже ни в какие ворота! – воскликнула Виктория спустя несколько минут.

– А сейчас что такое?

– Вы не поверите, да я и сама не очень верю, но в другой кисте такое же инородное тело.

– Точно такое же?

– На мониторе – один в один.

Значит, не такой уж Кирилин параноик.

– Может это никакая не песчинка, – произнёс он.

– А что же тогда?

– Искусственные объекты.

– Ну, даже если эти камни искусственные, как они в гайморовы пазухи попали?

– Это не камни.

– А что ж тогда?!

– Не знаю, – соврал Слава, чтобы избежать расспросов.

– Ну, что бы это ни было, надо это извлечь. Я проконсультируюсь с коллегами. Здесь побудет медсестра, – она вышла из операционной, и тут же появилась сестра.

Память услужливо подбросила картинок из третьесортных фильмов ужасов и плохих детективов, где главный злодей всегда неприметен и не вызывает подозрений, например, одна из медсестёр.

Святослав всё так же с аппаратом в носу скосил глаза в сторону медсестры. Но, войдя, та осталась стоять в паре метров и не ничего не предпринимает, даже на монитор не взглянула.

Неужто в самом деле накрывает паранойей? Риторический вопрос. Начинаешь всех подозревать. С другой стороны, не похоже, что Виктория знает, с чем имеет дело, она была искренне удивлена. Вряд ли она с людьми в чёрном заодно.

Доктор вернулась довольно скоро. Взглянула на монитор, отпустила жестом медсестру.

– Как состояние? – она повернулась к Славе

– Да без изменений вроде.

– Ну что ж, тогда продолжим.

За несколько минут Виктория извлекла непонятный предмет из пазухи. В этот раз кровь не пошла, зато звук удара о железную посудину оказался точно таким же.

– Вот, собственно, и всё, – констатировала женщина, вынув последний прибор из носа.

– Можно идти?

– Да. Полежи пару часов. Можно лёд к носу приложить, чтобы полегче стало. А потом пару дней не наклоняйся, чтобы кровь не прилиwała к голове.

– Понятно. А домой когда?

– Поскольку операция прошла не совсем стандартно, то не раньше пятницы. Завтра сделаем томографию и посмотрим на результат.

– А можно эти камни взять?

– Боюсь, нет. Завотделением сказал, что по распоряжению главврача они буду переданы на анализ.

Снова главврач!

– Жалко. Я пойду?

– Да, медсестра проводит до палаты.

Выйдя за дверь операционной, Святослав нос к носу столкнулся с двумя типами в чёрных плащах и тёмных очках. Они не обратили на него никакого внимания, даже головы не повернули.

– Эй, вы кто такие? – осмелев, спросил Слава.

– Курьеры из лаборатории, – ответил один, слегка повернув голову в его сторону.

– А документы у вас есть?

– Есть, – сказал всё тот же.

– Покажи.

– Пациент, идите в палату, – произнёс второй.

В этот момент в дверях операционной появилась Виктория с небольшой пластиковой коробочкой в руках. Один из типов взял контейнер, и они пошли к лифту.

Слава последовал за ними.

– Так что с документами? – спросил он уже у лифта.

– Послушай, парень, – произнёс более разговорчивый. – Не лезь не в своё дело. А дело это не просто государственной, а планетарной важности. Так что сиди и не высовывайся.

Распахнулись створки, и странная парочка скрылась в кабинке.

Слава пробормотал ругательства и пошёл в палату.

Через пару часов прошла анестезия, и появилась боль. Каждое движение головой отдаётся тычком не то в зубы, не то в глаза, словно иголкой в обнажённый нерв. Лед бесполезен, зато помог обезболивающий укол, сделанный медсестрой. Стало полегче, теперь можно подумать.

Получается, Кирилин со своей паранойей и конспирологией не так уж неправ. Ведь некие инородные предметы в самом деле извлекли, и тут же их забрали странные люди в чёрных плащах.

Если бедняга параноик прав в отношении имплантов, то прав ли он в отношении всего остального? Информации не хватает, нужно пообщаться с человеком в теме.

Однако найти хоть сколь-нибудь адекватного человека оказалось не так-то просто. На это у Святослава ушло два дня, за которые он прошерстил полиинтернета, переползая с одного уфологического форума на другой.

Наконец-то нашёл вроде вменяемого человека, договорился встретиться в воскресенье, но тут подложила свинью медицина. В пятницу не выписали, оставили до понедельника. Картина на томографии оказалась, понимаешь ли, не очень понятной.

Решили понаблюдать в выходные. Самое смешное, что наблюдать-то как раз никто не стал. Вечером субботы дежурный врач пересчитал пациентов, на чём мероприятия завершились.

Слава тут же решил выбраться на встречу с уфологом, как и договорился, в воскресенье, прикинув, что успеет вернуться до закрытия отделения и пересчёта пациентов.

* * * * *

Ковальский с чашкой кофе в руке сидит перед монитором в снятой квартире. Отчёт командира рядовых оперативников, присланный электронной почтой, сообщает, что с середины ноября были отобраны несколько кандидатур, в том числе в среде политических активистов. Все они потенциально подходят под текущие требования легендирования, и все взяты в разработку по стандартным протоколам.

Ковальский отхлебнул кофе и открыл другое письмо. Майкл переслал список потенциальных агентов влияния, который предоставили российские спецслужбы.

В настоящий момент нужен очень специфический контингент, так называемые городские сумасшедшие. Как правило, они не являются клиентами специализированных заведений и не стоят там на учете, это осложняет их поиск.

Из этих не вполне адекватных людей предстоит отобрать тех, кто сможет действовать в качестве разносчика легенды. А каждый хороший разносчик непременно искренне верит в то, что распространяет. Именно такая убежденность – залог успеха. Поверить же в легенду, которую замыслил внедрить Ковальский, способен не каждый.

Интересные результаты обработки ключевых фигур. Отчёт говорит, что степень эмоционального напряжения объектов повышается согласно прогнозам, скоро оно начнет сказываться на адекватности. До завершения подготовки осталось недолго.

День выборов для Мандаринова начался так же, как и любой другой – с позднего подъёма. Но без пяти минут три он прибыл на Третьяковскую.

Всегда её не любил. Мало того, что здесь пересекаются три ветки метро и всегда полно людей, так ещё и проектировал станции и переходы между ними какой-то инопланетянин: посадка и высадка одной и той же ветки на разных платформах. Разве мог такое человек придумать?

Здесь уже скопилось приличное число активистов. Они кучкуются небольшими группами по всей территории станции и в переходах к другим.

– Вот и Мандаринов, – раздался голос со стороны одной группы.

Мандаринов увидел Митюшкину и Гальперина.

– Всем привет, – перекрикивая шум поезда, произнёс он.

– Привет-привет.

– А леваки где? – Мандаринов обратился к Надежде, имея в виду социалистов и прочих люд красного оттенка.

– Они с другой станции едут.

– Ясно. Какой у нас план?

– План у нас простой, – быстро заговорила Митюшкина. – Скопиться на Театральной и выйти к Кремлю.

– А дальше?

– А дальше – как пойдёт.

– Нам бы до Манежки дойти, – встрял Марк.

– Да уж... – только и произнёс Мандаринов.

– Так, всё. Выдвигаемся, садимся на этот поезд, – почти прокричала Митюшкина, махая рукой в сторону громыхающего состава.

Кучки активистов дружно двинулись к вагонам, а через несколько минут так же дружно вышли на станции «Театральная».

Тут случилась первая заминка – леваки приехали по другой ветке и теперь стоят на «Площади революции».

– Символисты хреновы, – выругалась Митюшкина, закончив говорить по телефону.

– Так что? Мы выходим или ждём леваков? – поинтересовался Мандаринов, обескураженный такой организацией.

– Мы идём к ним, – ответила Надежда. – А потом через торговый центр – на Манежку.

– Да там выход на площадь наверняка закрыт, – возразил Мандаринов.

– Разведку надо послать для начала, – предложил Марк.

– Идём. Они сказали, что выход свободен, – сказала Митюшкина и помахала рукой, показывая, куда двигаться.

Толпа медленно и неуклюже, словно огромная амёба, потекла от эскалатора к лестницам перехода на «Охотный ряд».

Мандаринов оказался в хвосте колонны движущейся по длинному тоннелю со сводчатым потолком и тускловатым освещением. Он потерял из виду и Марка, и Надежду. Дозвониться до них в переходе оказалось делом безнадежным.

На «Охотном Ряду» никаких левых не нашлось. Мандаринов услышал, как кто-то сбоку по телефону пытается выяснить, куда они делись, но собеседник, похоже, сам не в курсе.

Послышались разговоры, что выход на Манежную площадь через торговый центр перекрыт. Но это не остановило часть активистов, они отправилась проверять слухи. Оставшиеся снова разбились на кучки, некоторые из них двинулись обратно, надеясь выйти к памятнику Марксу с «Театральной».

Всех знакомых Мандаринов потерял. Не зная ничего про выход на Манежку, тоже пошёл обратно. Уже поднимаясь на поверхность, он заметил несколько человек, которые обсуждают скверное управление и планирование акции.

– Вы кто? – спросил Мандаринов.

Те подозрительно покосились и назвали в ответ непроизносимый набор букв какой-то аббревиатуры, ничего не значащей для Мандаринова.

– Тоже на акцию? – поинтересовался он.

– Да, – ответил один из активистов.

Похоже, они не горят желанием общаться. Когда поднялись к выходу, поспешно удалились.

Выйдя из метро, Мандаринов осмотрелся. Площадка заполнена людьми: одиночками, парами, тройками и небольшими группами. Справа стоит несколько автобусов средних размеров, с окнами, закрытыми шторками, очевидно, омовских.

Прямо метрах в тридцати расположен ряд сувенирных павильонов, стилизованных под избышки. Выходящие из метро скапливаются на ограниченном пятачке перед рядами и хаотично бродят, не зная что делать и куда себя деть. В центре этого пространства ходит омовец с мегафоном и просит уважаемых граждан разойтись.

Мандаринов повернул левее и пошёл вдоль павильонов. Здесь должен быть проход к памятнику Жукову и на Манежную площадь.

Впритык к ряду павильонов пристроены железные ограждения. Они идут параллельно стене музея и образуют коридор метра четыре шириной. Вдоль барьера стоят солдаты-срочники, а за их спинами всё пространство до громады гостиницы «Москва» занято автозаками и омовскими автобусами. В проходе плотность народа гораздо выше – больше активистов и журналистов, последних легко отличить по фотоаппаратам с огромными объективами.

Пройдя с десятков шагов, Мандаринов упёрся в плотную стену человеческих спин. Журналисты стоят впереди и на крыльце Музея, откуда тоже пытаются снимать, повисая на перилах и протягивая руки с фотоаппаратами вверх.

Мандаринов попытался разглядеть хоть что-то, но из-за голов и вытянутых рук ничего не видно. Зато хорошо слышны лозунги.

– Долой самодержавие! Нет незаконным выборам! Выборы – фарс! – несётся из-за спин.

Народ лозунги не подхватил и они затихли. Мандаринов увидел, как четыре омовца в шлемах и бронежилетах тащат за руки, за ноги в автозак одного такого крикуна, который продолжает орать.

Затем омовцы выстроились в две цепи и начали вытеснять толпу из коридора на площадку между метро и торговыми рядами.

В первом ряду, сцепившись локтями, идут салаги, похожие на курсантов, а им в спины упираются здоровые космонавты в шлемах, бронежилетах и пластиковой броне.

Мандаринов с удивлением воззрелся на двухметрового здоровяка. Это что-то новенькое, слишком много защиты. Обычно на митинги оппозиции омон экипируют бронежилетом и шлемом, за который их и называют космонавтами. Эти же одеты в пластиковые доспехи,

которые полностью закрывают голень и колени, плечи, запястья, словно они ждут серьёзных столкновений. Но почему тогда без щитов?

Первыми прошли журналисты, надеясь взять хороший план сцены вытеснения. Активисты же не горят желанием уходить с площади, потому всячески упираются.

Лозунгов больше не слышно, всех заводил растащили по автозакам. А двойной строй, как поршень, выдавливает толпу. Впереди шествует омоновец с мегафоном:

– Уважаемые граждане, пройдите в метро, не мешайте проходу других граждан.

– Нет же никакого прохода, – произнёс Мандаринов, когда омоновец и строй подошли к нему.

Оратор не обратил никакого внимания и продолжил свои излияния.

Цепочка салаг подошла совсем близко. Юные лица, вместо шлемов – шапки-ушанки, вместо броников – серые шинели. Они не могут расцепиться, поэтому вынуждены толкать стоящих людей собственным телом.

– Эй, да что такое?! Почему нельзя пройти на Красную площадь? – воскликнул парень с всклокоченными волосами.

– А к Вечному огню? – поддержал Мандаринов.

Он примерился и попытался прорвать первую цепь. Тут же космонавт на голову выше Мандаринова развернул его и сильно толкнул.

Мандаринов остановился и снова стал ждать приближения строя.

– Да почему пройти нельзя?! – громко спросил он, не обращая ни к кому конкретно.

Теперь прорываться не стал, просто повис на сцепленных локтях салаг. Те от боли расцепили руки, и Мандаринов нос к броннику столкнулся со здоровым омоновцем. Дальше процедура с космонавтом повторилась.

Мандаринов поглядел по сторонам и зашёл со стороны торговых павильонов. Здесь строй иногда отрывается от их стены, есть шанс проскользнуть.

Теперь уже крайний салага свободной рукой развернул его лицом по ходу движения и толкнул в спину. Мандаринов уперся, рука со спины соскользнула, и он задел что-то на прилавке. Торговец огрызнулся на Мандаринова, увидев угрозу своим сувенирам.

Лохматый парень с криком «За свободу» после короткого разбега прыгнул, словно певец со сцены в толпу своих фанатов, и повис на закованных в пластик руках космонавтов. Те поставили его на ноги и передали подошедшей сзади паре омоновцев, которые тут же скрутили бедняге руки и отвели в автозак.

Мандаринов не стал повторять бессмысленный подвиг и отошёл ближе к центру площадки.

Двойная цепочка прошла коридор и, постепенно разрастаясь в ширину, оттеснила редкую толпу от павильонов ближе ко входу в метро. Омоновцы остановились, а мегафон умолк. Толпа оказалась зажатой на небольшом пятчке в форме треугольника.

Тут нет почти никакого движения. В воздухе разлито напряжение, лишь люди в штатском, шастающие с видеокамерами вокруг, не замечают сгустившейся атмосферы. Кто-то в кругу журналистов даёт интервью. Через минуту несчастного тоже уведут в автозак.

Народ постепенно убывает. Часть потянулась в подземку, часть направилась к памятнику Марксу, кого-то повинтил омон.

Мандаринов покрутился ещё с полчаса в надежде встретить кого-то из знакомых. Никто не появился, и, разочарованный бездарной организацией, он отправился в сторону Арбата, чтобы вернуться к девяти вечера – на акцию нацистов и прочих бюджетных организаций. Сложно вспомнить более нелепое и безрезультатное действие.

Придя в кафе, по телефону выяснил, что всех, кто настойчиво пытался попасть к памятнику Жукову или на Манежную площадь, рассеяли и повязали. В момент разговора Надежда сидела в автозаке возле отделения, а Марк, побитый, двигался домой на такси.

Когда принесли заказ, Мандаринов понял, насколько голоден. Наевшись, он развалился в кресле и погрузился в неприятные мысли. В последнее время других и нет.

Сбросив наваждение, пошарил со смарта в новостях. Никакого ажиотажа по поводу событий в центре Москвы, редкие упоминания в блогах, чуть больше – в твиттере. При том, что количество сообщений об акции прокремлёвских молодёжных организаций способно вызвать приступ эпилепсии – будут праздновать победу «Единой России».

Что ж, посмотрим. Нужно прогуляться, проветрить мозг, пока остается время до вечернего балагана. Однако ноги всё равно вынесли к Кремлю. Подойдя, увидел, что Александровский сад и Манежка ещё заблокированы, туда хода нет.

Придётся по Моховой.

Если днём площадь Революции была просто отделена металлическими ограждениями, то сейчас её оцепили двойным кольцом, а вдоль импровизированного забора расставили омон.

Мандаринов, поглядывая на тыльную часть крытой сцены на площади, прошёл вдоль кордона. Приблизился к рамкам металлодетекторов, которые стоят аккурат напротив выхода из метро и неподалеку от торговых павильонов. Здесь ещё пару часов назад торговец неистово отталкивал политических активистов от своего товара и едва бился в истерике. Через рамки пропустили без тщательного досмотра.

Второе кольцо ограждений размером поменьше. Народа внутри пока мало. По бокам сцены – два больших экрана, ещё один – над ней. Заиграла музыка, и на экранах в такт ей запрыгали абстрактные узоры.

Мандаринов нацелился попасть внутрь второго круга и прошёл через одну из рамок. К нему шагнул человек в форме и с металлодетектором.

– Пропуск, – сказал рядом стоящий юноша в синей безрукавке поверх куртки.

– Какой ещё пропуск? – ответил Мандаринов, подняв руки в стороны для проверки.

– Ваш организатор должен был дать бейджик с названием организации, именем и фамилией. Из какой организации?

– Ни из какой.

Через соседнюю рамку начали таскать пластиковые древка от флагов, какие-то плакаты.

– Без пропуска нельзя.

Мандаринов понял весь абсурд, но решил поиздеваться.

– А вы знаете, что недопущение человека на общественное мероприятие – это уголовное преступление? До трех лет лишения свободы. Статья сто сорок девятая.

Парень на рамке растерялся и что-то забубнил в рацию. Через пару минут подошла светловолосая девушка невысокого роста

– В чём дело? – прокуренным голосом спросила она.

– Вот, без пропуска, – извиняющимся тоном ответил парень в накидке.

– Без пропуска не пускать, – отрезала девушка. – Какие ещё нужны объяснения?

– Суду придётся объяснять, – вмешался Мандаринов.

– Пропуск есть? – спросила она.

– Нет. Вы не имеете права не пустить меня на общественное мероприятие, это уголовно наказуемо.

– Пропуска нет, значит, имею, – повторила свой аргумент девушка. – Не пускай его, – добавила она, обращаясь к парню.

– Ну, тогда я сам пройду, – заявил Мандаринов и пошёл сцене.

Тут же к нему подбежали два омовца, которые до этого наблюдали за перепалкой, взяли под руки и повели за рамки. Он не стал сопротивляться.

Оставшись один, Мандаринов снова отправился к рамкам, но с другого бока, решив просто понаблюдать за происходящим внутри. Когда подошёл, далеко сзади раздались крики.

Мандаринов обернулся и увидел возле выхода из метро небольшую группу с чёрно-жёлто-белыми флагами, очевидно, националистов. К ним уже бежит строй космонавтов. В это время из метро появились ещё люди с чёрными балаклавами на лицах и красно-чёрными флагами – анархисты. Мандаринов пошёл в сторону стычки.

Становится интересно.

Космонавты добежали до группы с имперскими флагами и начали выдёргивать по одному. Нацики держатся друг за друга, сцепившись локтями, и что-то вопят. Обойдя потасовку, анархисты кинулись к рамкам первого кордона.

Сбоку выбежал ещё один строй космонавтов. Балаклавы завалили пару рамок и прорвались в пространство между кордонами. Мандаринов остановился в десятке метров от них.

Националистов разбили на кучки по два-три человека, и теперь омоновцы растаскивают их с такой силой, словно сиамских близнецов. Каждого активиста волокут в автобус.

Внезапно Мандаринов осознал, что космонавтов на площади, как тараканов в мусоропроводе. Чтобы пресечь прорыв в святая святых, они выстроились в цепочку перед вторыми рамками. И теперь наращивают её ширину.

Такая же цепочка возникла у первых рамок. К одному ряду добавился второй. Постепенно края цепей сблизились и замкнулись в кольцо вокруг анархистов, Мандаринова и прочих, кому не повезло оказаться внутри.

Балаклавы перестали метаться, собрались в плотный кулак и с криками рванули обратно к метро. Кто-то смог прорваться, но большинство повисло на руках, словно атакующие солдаты Первой Мировой на колючей проволоке. Их похватили и потащили в автозаки.

Остальные, оказавшись в окружении, наоборот, запаниковали и начали суесться. Самые активные тут же разделяют участь анархов.

Мандаринов, более привычный к такой атмосфере, остался спокойно наблюдать. Сжимая кольцо, космонавты разорвали строй, чтобы обойти скамейку. Мандаринов воспользовался моментом, нырнул в брешь и отбежал на несколько метров. Никто из строя за ним не погнался, а остальным приказ не поступал.

Космонавты, разогнавшие националистов, образовали живой коридор несколько метров шириной, ведущий прямо ко входу в метро. Мандаринов спокойно пошёл по нему. До дверей оставалось меньше десятка метров, когда его схватили, жёстко заломили руки и повели совсем не в метро.

Пока волочили, краем глаза заметил подполковника, который тыкает пальцем в отдельных людей, идущих в метро. К ним тут же бросается пара омоновцев, скручивает, ведёт в автобус, а затем возвращается. Похоже, Мандаринова указующий перст тоже не минул.

За всю свою богатую протестную жизнь Мандаринов успел познакомиться с обоими типами автозаков: и автобусами, и грузовиками.

Обычно всех пакут в автобусы с решётками на окнах. Грузовики с глухими стенами пригоняют, либо когда задержанных слишком много, либо в экстренных случаях. Военные «Уралы» практически невозможно перевернуть, хоть снаружи, хоть изнутри, а если что – ими гораздо удобнее прокладывать путь в беснующейся толпе.

В этот раз приехало и то, и другое, но затолкнули в автобус. Внутри всё забито под завязку, даже стоять тесно, но вслед за Мандариновым засунули ещё двух человек. Через минуту тронулись.

Пытаясь выбраться из давки, Игорь попробовал протолкнуться к задним сидениям, но застопорился в середине пути. Он развернулся по ходу движения и едва успел ухватиться за поручень на уровне глаз, как водитель резко затормозил. Не проехали и двухсот метров.

Справа сквозь занавески на зарешёченных окнах увидел такой же автобус, а слева – замерший поток машин в три ряда: Большая Дмитровка, как всегда, перегружена.

– Пробка или не знают, куда везти, – прокомментировал Мандаринов.

– Автозаков на всех хватило, а вот хватит ли отделений? – кто-то за спиной задал риторический вопрос.

Мандаринов оглядел публику. Встреть любого на улице – простой обыватель, по внешности никогда не угадаешь, активист или тупой потребитель. Даже если здесь есть националисты или анархисты, которых сегодня повязали с привычной жестокостью, теперь они ничем не выделяются из разношерстной публики. Некоторые вполне могут быть случайными зеваками, схваченными по ошибке.

Автобус дёрнулся и тут же замер, а из кабины донеслась ругань водителя и звук клаксона. Снова все пошатнулись от рывка. Лишь затем поехали без остановок.

Катали их по городу пару часов. Привезут в одно отделение – забито активистами с той же площади, не берут, везут в другое – та же картина. С пятой или шестой попытки нашлось свободное отделение в спальном районе.

Дальнейшая процедура Мандаринову давно знакома. Сначала состряпают фиктивный протокол доставления. Затем – столь же достоверный протокол задержания. Продержат часа четыре и сильно за полночь отпустят. А через пару дней – суд и административный штраф в пятьсот рублей. Всё так и получилось.

Домой Мандаринов добрался на такси в четвёртом часу утра. Поспав совсем чуть-чуть, отправился на свой суд – в этот раз процедуру ускорили.

* * * * *

Святослав созвонился с уфологом утром воскресенья и подтвердил встречу. Из больницы вышел после обеда, надеясь вернуться до закрытия отделения.

Выйдя за ворота, поискал на карте, куда свернуть к метро, если ей верить, то пешком идти не больше пятнадцати минут. Только двинул, как взгляд выловил в ряду припаркованных машин знакомый угловатый кузов. Накануне он пошарил в сети и выяснил, что автомобиль в самом деле «Линкольн».

Мысли перещёлкнули, и Слава повернул к машине. Номер тот же, если он ничего не перепутал. Заглянул в салон через лобовое стекло – никого. Покрутился минуту рядом, прошёлся по улице взад-вперёд, но никто так и не появился. Со скверным настроением продолжил путь.

Во время первого разговора уфолог настаивал на встрече в людном месте, вроде станции метро. Но Слава всё же смог его уговорить на более подходящий для разговоров вариант – в любом кафе на Старом Арбате.

Святослав вошёл в кофейню, сел за столик, сделал заказ. Потом, в соответствии с планом, позвонил уфологу, назвал кафе и объяснил расположение столика.

– Я всё понял, – услышался ответ, заглушаемый шумом поездов. – Буду через пять минут.

Через пять минут в дверях действительно появился мужчина средних лет в чёрном пальто, тёмных джинсах и чёрной же водолазке. Он медленно осмотрел зал, затем прошёл к столу.

– Святослав?

Слава кивнул в ответ.

– Казимир, – он протянул руку и, не дожидаясь пожатия, продолжил. – Вы меня своим коротким рассказом изрядно взволновали. Давайте пересядем к окну, так лучше видно улицу, и так больше шансов заметить что-то подозрительное: пропустит один, заметит другой.

Слава пересел и тут же заметил подозрительное. Да и сложно не заметить, как напротив кафе, с противоположной стороны дороги, припарковался хорошо знакомый «Линкольн». Учитывая, что Арбат исключительно пешеходная улица, это очень подозрительно.

Уфолог проследил напряжённый взгляд Святослава и тоже поглядел на чёрное авто. Его двери открылись, из них выбрались два человека. Они огляделись и пошагали налево. Вскоре в толпе потерялись из виду.

– Знакомые? – поинтересовался уфолог.

– Как сказать, похоже, они со мной хорошо знакомы, а я с ними – нет.

Принесли заказ. Святослав вкратце рассказал свою больничную историю, упомянул параноика и забранные у него импланты.

Пока говорил, разглядывал собеседника. Тип не производит впечатления городского сумасшедшего: правильной формы лицо чисто выбрито, никаких нервных тиков у серых глаз, аккуратная одежда, запах одеколона и начищенные ботинки.

Уфолог внимательно слушает, откинувшись в кресле и отхлёбывая кофе из огромного бокала.

– Всё это весьма и весьма странно, – сказал он, когда Слава закончил рассказ. – Видите ли, я никогда ни с чем подобным не сталкивался. Вы, наверно, ожидали встретить эдакого фрика в поношенном пальто, засаленном пиджаке с протёртыми локтями и шапочкой из фольги на голове?

Слава ухмыльнулся, вспомнив параноика из больницы.

– Но я занимаюсь работой в поле, – продолжил Казимир. – Мы группой выезжаем к местам предположительных приземлений НЛО, где изучаем обстановку, берём пробы, делаем анализы, обследуем растения.

– И вы никогда не слышали о людях в чёрном, имплантах и всём таком?

– Конечно, слышал, но это всё недостоверная информация, слухи и домыслы, которые сложно проверить или вообще невозможно.

– Ну, мой-то случай – достоверней некуда, – возразил Слава. – Люди в чёрном – вот они, – он указал рукой на авто перед кафе. – Тут и проверять нечего.

– Да, ваш случай – это что-то из ряда вон. Но всё это, строго говоря, может и не иметь к уфологии никакого отношения.

– То есть как?

– Эти люди, – Казимир кивнул в сторону машины на улице, – могут быть кем угодно. А сказки про инопланетян рассказывают, чтобы прикрыть свои истинные интересы.

Святослав хмыкнул:

– Не совсем понял.

– Ну вот, например. Люди на чёрном раритетном автомобиле на улице, что они делают здесь?

– Следят за мной.

Уфолог склонил голову набок.

– Вы это серьёзно?

– А что?

– Если они следят, зачем использовать столь заметную машину? Вы бы скорее использовали популярную модель, незаметную в потоке машин и на парковке.

– Да, пожалуй, я как-то не подумал об этом.

– Очевидно, они не следят. Может, хотят создать впечатление, что следят. Хотя больше похоже на преследование.

Святослав указал на улицу.

Двое типов вернулись, прошли мимо, озираясь, и направились в другую сторону.

– А почему бы не поменять правила игры? – вдруг осмелел Казимир.

– В каком смысле?

– Давайте последим за ними.

– Хм. Хороший ход.

Они быстро расплатились и вышли на улицу. С невысокого крыльца кафе фигуры в чёрном видны на некотором отдалении. Слава с Казимиром пустились следом.

Сократив дистанцию метров до пятидесяти, они подошли к выходу со станции метро Арбатская. Пришлось сбавить шаг, не похоже, что люди в чёрных плащах куда-то спешат, но и не прогуливаются. Они явно куда-то движутся, и пока их путь лежит к Кремлю.

Не дойдя до Библиотеки Ленина, они свернули налево в переулок и направились к Тверской.

– Интересно, они знают, что мы за ними идём? – озвучил свои мысли уфолог. – Они ни разу не взглянули в нашу сторону даже когда мы сидели в кафе. Да и здесь на повороте не обернулись.

– Уверен, что знают.

По Тверской подозрительные типы дошли до здания Государственной Думы и свернули к Театральной площади.

Театральная и площадь Революции предстали перед Святославом и Казимиром огороженными металлическими барьерами и заставленными множеством омовских автобусов.

– Это что такое? – спросил Слава, указывая на огороженные пространства правоохранителей.

– Праздник сегодня.

– И какой же?

– Выборы же.

– Это странно – огораживать для праздника площадь забором и нагонять омона.

Уфолог безразлично пожал плечами и сказал, махнув рукой в черз дорогу:

– Вон наши друзья.

Люди в чёрном вынырнули из подземного перехода и медленно идут вдоль барьера, ограждающего памятник Марксу и зародыш сцены от снующего кучками пролетариата.

Святослав ускорил шаг, но, когда они оказались на поверхности, людей в чёрном и след простыл.

– Быстрее, – кинул Казимир.

Ускорились, но, обойдя ограждения, увидели только разношёрстную толпу, теснимую омомом от памятника Жукову. Послышались крики, в сторону толпы пробежали несколько омовцев, обратно по двое они проводят людей и заталкивают в автобусы.

– Странный какой-то праздник, – прокомментировал Слава.

Казимир развёл руками.

– Вон они, – он указал на два чёрных пятна, преодолевших толпу идвигающихся к метро.

– Чёрт! – воскликнул Святослав. – Бежим.

Он рванулся с места, добежал до толпы, начал протискиваться и распихивать людей, пытаясь быстро преодолеть массу. В этот момент его схватил омоновец в шлеме с прозрачным забралом, и, заломив руку, повёл в сторону автобусов.

– Вы кто такой?! Отпустите меня! Я ничего не сделал! – едва не крича от боли, рявкнул Святослав.

Он попытался вырваться, но омоновец молча заломил руку, ещё сильнее. Святослав заметил ринувшегося в его сторону Казимира, когда его самого засовывали в автобус. За ним захлопнулась решётчатая дверь из крашенных в бледно-зелёный цвет ребристых прутьев, и автобус тут же тронулся.

Если автозак сделан из автобуса, то сделан из автобуса «ПАЗ» средней вместимости. Салон разделяют железной решёткой с узкой дверью на две неравные части: большая для задержанных, меньшая, у кабины – для сопровождающих. Окна, а иногда и люки в потолке забирают решётками. От таких модификаций автобус внутри становится похож на тюрьму, а внешне выглядит вполне пристойно, особенно, если занавески закрыть.

Святослав оказался как раз в таком автобусе. Свободных сидений нет, потому придётся стоять. В передней тесной части сидит угрюмый омоновец в шлеме и бронеке, он лишь изредка переговаривается с водителем.

– Да какого хрена тут происходит? – возмутился Святослав внутри.

– Добро пожаловать в настоящую Россию, – произнёс волосатый и бородатый мужик в очках с толстыми линзами, сидящий в середине передвижной камеры.

– Я ничего не сделал. Меня по ошибке схватили, – продолжил Святослав. – Как мне выйти?

– Ты тут не единственный, кто ничего не сделал, – ответила полноватая женщина. – Тут все такие.

– И дальше что? – раздражённо спросил Слава.

– А ничего. Сиди – жди, – ответила та же женщина.

– Чего ждать-то?

– Ну, как. Сейчас по городу покатаемся и через часок-другой приедем в какой-нибудь участок.

– Что?! Часок-другой? А раньше никак?

– Ну вон можешь его попросить, чтобы выпустил, – бородатый мужик указал на омоновца за решёткой.

Омоновец никак не прореагировал, он не следит за разговором.

Женщина, что отвечала до этого, назвалась Надеждой. Она в двух словах обрисовала, что будет дальше – в участке. Объяснила, как себя вести и посоветовала ничего не подписывать, по крайней мере сразу.

По городу и в самом деле проехали не меньше двух часов. На выходе из автобуса у каждого потребовали паспорт или другие документы. Святослав с неохотой отдал книжицу.

Их поместили в большую комнату с рядами кресел и невысокой сценой, напоминающую зал собраний. Очевидно, сюда привезли не один автобус, потому что пустых мест почти нет. Внутри только задержанные, и никакой охраны. Периодически раздаются звонки и слышатся разговоры.

Через час или около того Святослав встал, подошёл к двери и потянул – заперто. Он постоял в нерешительности, затем постучал. Ничего не произошло ни сразу, ни через минуту, ни через две. Постучал сильнее. Когда снова ничего не произошло, он забарабанил так, что вместе с дверью стала дёргаться вся коробка.

Раздался звук открываемого замка, и в проёме появился круглолицый сержант с пузом через ремень.

– Что такое? – спросил он.

– В туалет мне надо, – ответил Слава.

– Потерпи.

– Терпеть я больше не могу. Я вам тут в углу наассу, если не пустите.

Сержант помрачнел.

– Ладно. Пойдём, – он пропустил Святослава вперёд и запер замок.

На обратном пути Слава увидел перед дверью невысокую симпатичную женщину.

– Что надо? – недружелюбно спросил сержант, открывая дверь и впуская Святослава внутрь.

– Я – Алена Попова, общественный защитник, помощник депутата Государственной Думы Пономарёва.

– Надо что? – повторил вопрос сержант, на которого статус собеседницы не произвёл никакого впечатления.

– Пустите меня к задержанным.

– Проходите, – хмыкнул сержант, распахивая дверь, которую было собрался запереть.

Помощница депутата минут пятнадцать рассказывала про то, какая она хорошая помощница депутата и какой хороший депутат Пономарёв. Он должен вот-вот подъехать и всех вытащить из участка, пользуясь корочкой депутата. Можно ничего не бояться и всё подписывать.

Святослав подошёл к Надежде и тихо спросил:

– Не могу понять, она на чьей стороне? Что она за мать гонит?

– Пиарится. Пиар – превыше всего, – так же шёпотом ответила Надежда. – Она надеется на упоминание себя в сети в связи с задержаниями.

– А советам её следовать можно?

– Вот уж нет.

Святослав вернулся на своё место. Помощница вещала ещё некоторое время.

– Я буду в отделении, пока всех не отпустят, – закончила она и, как Слава ранее, повторила манипуляцию с дверью. Правда, ей открыли быстрее.

Через пару часов, когда Святослав, начал подозревать, что к вечернему обходу в больнице ему не успеть, в зале появились несколько людей в форме, начали называть фамилии и разводить по кабинетам.

– Калязин, – дождался и Святослав.

Он встал и направился к выходу.

Завели в пустой кабинет, через минуту зашёл усталый оперативник, стриженный наголо.

– Подпишите протокол, – он положил на стол перед Славой бумагу и ручку.

Святослав начал читать протокол.

– Но тут же какая-то ересь написана, – возмутился он. – Я не кричал никаких антиправительственных лозунгов и не участвовал ни в какой акции. Я вообще в метро шёл.

Оперативник вздохнул.

– Конечно, так всё и было. Вы только протокол подпишите.

Слава взял ручку.

– А кто такие Карбышев и Петров?, – вдруг спросил он.

Лысый снова вздохнул.

– Они вас задерживали, там же написано.

– Так меня один человек задерживал.

– Это неважно. Подписывайте.

– Да не буду я это подписывать. Всё было не так, совсем не так, – начал злиться Святослав.

Оперативник вздохнул особенно грустно, встал и вышел из комнаты. Вернулся через несколько минут.

– Послушайте, вариантов у вас целых два, – начал он. – Первый – вы подписываете протокол, получаете паспорт и отправляетесь домой, а суд вам выпишет штраф в пятьсот рублей. Второй – вы не подписываете протокол, тогда мы оставляем вас на ночь в отделении, с целью установления личности. Утром везём в суд, где вам присуждают штраф в тысячу рублей.

– Так у вас же мой паспорт. Зачем мою личность устанавливать?

– Это неважно, – раздражённо сказал оперативник. – Так, что вы выбираете?

Святослав, никак не желая провести ночь в отделении, всё же упёрся и пошёл на принцип.

– Я не буду подписывать эту фигню.

Лысый забрал протокол и вышел. Прошло чуть больше времени, чем в первый раз.

– Калязин, пройдите, – произнёс возникший в дверях оперативник.

В сопровождении того же круглолицего сержанта, явно родственника колобка, повели в другую часть здания. Прошли мимо зарешёченного окошка дежурного напротив входа в отделение. Остановились у массивной металлической двери с глазком. Сержант загремел ключами.

Святослав обернулся и увидел, как по коридору идёт пара людей в чёрных плащах и солнцезащитных очках, что при тусклом освещении смотрится совсем нелепо. Типы прошли половину расстояния и свернули к выходу.

Сержант открыл дверь, впустил Святослава и закрыл замок за его спиной. Только теперь Слава пожалел о своём решении.

Глава 3

Святослав огляделся. Больше никого нет. Камера невелика – где-то три на три метра. Без окон, лишь единственная лампочка под потолком создает освещение ещё более тусклое, чем в коридоре, где тоже не слишком ярко. На стенах, покрытых перхотью отслаивающейся краски, кое-где тёмные пятна.

Слава закашлялся. В воздухе стоит такой запах плесени, что страшно дышать, так и представляется, как лишний миллиард-другой спор попадают в лёгкие.

Три двухъярусных кровати стоят у стен, раковина и за стеночкой в углу – унитаз, закрытый занавеской.

Преодолевая брезгливость, прилёт на кровать. Спать не хочется, просто отдохнуть. Незаметно провалился в поверхностный сон.

Разбудил лязг двери. Впихнули мужчину в испачканной одежде и с испуганным взглядом.

– Тоже с митинга? – поинтересовался Слава.

Вошедший затравленно покосился, кивнул и молча сел на дальние нары, разговора не получилось.

Через несколько минут дверь снова распахнулась, и появился тип фриковской наружности.

Вообще вечер оказался богатым на урожай. В течение часа камера заполнилась. Похоже, план по задержаниям перевыполнен за счёт политических, не нужно и бомжей искать.

Хоть камера и набита битком, стоит полная тишина, как в гробу. Собственно эта комната с затхлым воздухом и является гробом, из которого несчастные, подобно грешным душам, отправляются на суд.

Поспать в непривычной обстановке не удалось, как ни старался. Утром уже до боли знакомый лязг заставил открыть глаза.

– Выходим, – произнёс молодой оперуполномоченный, наверно, из новой смены.

– Что, все сразу? – спросил Святослав.

– Ну да.

Погрузились в автобус и поехали. По дороге остановились у другого отделения, подобрали задержанных и довольно рано прибыли к суду.

Продержав в холодном автобусе полчаса, всех завели в здание. Сразу разместили в зале заседаний, в ближних к трибуне рядах, словно в партере театра, только занавеса не хватает. Скоро из-за кулис появился и актёрский состав: девушка-секретарь и дама, изображающая судью, чей чёрный балахон на пухлом теле мало похож на мантию и одним своим видом тут же рушит надежды на честное разбирательство и справедливое решение.

Святослав и раньше подозревал, что с судами всё не очень хорошо, но теперь не только увидел это «не хорошо» со стороны, но и ощутил на себе.

Первым начали рассматривать дело его сокамерника – парня с внешностью фрика. Рассмотрение заняло не больше пяти минут. Секретарь зачитала протокол задержания, один в один похожий на тот, что Слава отказался подписать накануне. Судья спросила подсудимого, подтверждает ли он обстоятельства, перечисленные в протоколе, и после утвердительного ответа вынесла решение оштрафовать на пятьсот рублей.

Славу передёрнуло от такой бесчеловечной производительности.

После четвёртого или пятого приговора, зачитанных в течение получаса, передёрнуло снова, но по другой причине. В зал вошли два человека в плащах и очках от солнца. Они расположились в последних рядах, вдали от всех.

Явились, не запылились.

Услышал свою фамилию. Тут же секретарь стала читать протокол его задержания.

– Калязин, вы подтверждаете обстоятельства, перечисленные в протоколе? – спросила судья.

Замер на мгновение. Первое желание – плюнуть и согласиться на штраф в пять сотен.

– Нет.

Судья взглянула на Славу.

– Более того, я не подписывал этот протокол, – продолжил он.

Судья сделала жест секретарю, чтобы та передала протокол.

– Что скажет представитель прокурора? – спросила она, когда пробежала бумагу глазами.

Девушка, наверно, вчерашняя студентка, всё предыдущее время погружённая в экран смартфона и никак не участвовавшая в процессе, встрепенулась, пытаясь понять, зачем она здесь.

– Что, простите?

Судья побагровела.

– У нас в деле из двух документов ни один не имеет подписи подсудимого. И он отказывается от показаний.

Девушка-прокурорша наморщила лоб, задумалась, словно решая систему уравнений в уме.

– И что же делать? – наконец спросила она, ни до чего не додумавшись.

Судья, готовясь взорваться, побагровела ещё сильнее.

– Наверно, нужно пригласить свидетелей, – произнесла она ледяным тоном.

Прокурорша снова наморщила лоб.

– Тех, кто задерживал подсудимого, – подсказала судья.

– Ой, ну конечно же, – воскликнула девушка, вскочила с телефоном и, набирая номер, стремительно вышла из зала.

– Рассмотрение дела откладывается на час, – сообщила судья и перешла к прочим подсудимым.

Спустя пятнадцать минут, за которые ещё двоим впаяли стандартные штрафы по пятьсот, вернулась прокурорша, пошептала с судьей и села на место.

Через час зал практически опустел. Из подсудимых кроме Святослава остался ещё один человек, а из зрителей – лишь люди в чёрных одеяниях на задних рядах. Всё время они не двигались и оставались безучастны к происходящему.

Последний бедняга попытался настаивать на своей невинности, но судья мельком взглянула протокол, пресекла попытку спорить и осудила на административный штраф.

Парень что-то раздосадовано буркнул и направился к выходу, но, посмотрев на Славу, подошёл к нему и сказал:

– Мне вот не повезло, но у вас, наверно, ещё есть шанс отбиться от этих, так называемых, судей. Вот эти ребята могут помочь консультацией.

Он протянул визитку, стилизованную под чёрно-бело-красный флаг с вертикальными полосами и двумя параллельными стрелками вверх и вниз в центре.

– Спасибо, – растерялся Слава.

– Не за что, – ответил незнакомец и потопал к выходу.

Слава проводил его взглядом и обернулся к судье, та шепчется с секретарём.

– Суд объявляет перерыв на полчаса, – объявила судья, закончив шушукаться, и удалилась.

Из сопровождающих оперов остался только один, стоящий в боковом проходе. Он хмуро взглянул на Святослава, приблизился и сказал:

– Пойдём.

– Куда это?

– Куда надо.

Слава напрягся от такого поворота, поглядел на людей в чёрном, те хоть и смотрят в его сторону, но будто не видят и вообще не при делах.

Опер взял Славу за плечо и потащил к двери с противоположной стороны от выхода. Втолкнул внутрь и захлопнул словно капкан. Какое-то время ещё звенел ключами, запирая, потом всё стихло.

Небольшая каморка со скамейками по бокам и дверью напротив. Святослав сел и прислушался. Тишина такая, как вымерли все.

В следующий час успел походить от стены к стене. Измерил комнатушку в шагах, стопах и попугаях. Прокрутил в голове варианты оправданий своего отсутствия в больнице.

Наконец в зале раздался шум шагов, дверь открылась, и показался всё тот же опер.

– На выход.

На выход так на выход, всё лучше, чем взаперти сидеть.

Слава только устроился в первом ряду, как появилась прокурорша с двумя толстыми кадрами в форме. Через минуту явилась и судья.

– Рассматривается дело Калязина, – объявила она. – Суд заслушает показания свидетелей.

Секретарь снова прочла протокол задержания.

– Карбышев, вы подтверждаете истинность событий?

– Подтверждаю, – ответил один из толстых оперов.

Если бы Слава сейчас что-нибудь жевал, обязательно поперхнулся от такой наглости.

Тот же фарс повторился с Петровым.

– Позвольте! – выкрикнул Святослав, вставая. – Эти двое, Петров и Карбышев, не имеют к моему задержанию никакого отношения. Я их и не видел никогда.

– Я хочу напомнить вам об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, – будничным тоном сказала судья.

– Да вы лучше им напомните, – Святослав указал на толстяков.

– Уважайте суд, – судья стукнула молотком. – Изложите вашу версию событий.

Святослав начал рассказывать, сбиваясь и углубляясь в детали.

– Говорите по сути. Без лишних подробностей.

Скомкал рассказ, описав конец прогулки и задержание.

– Кто ещё может подтвердить ваши слова? – спросила судья.

Слава растерялся, задаваясь вопросом, видел ли Казимир его задержание и согласится ли быть свидетелем.

– Мой знакомый.

– И где он? – раздражённо спросила судья. – Суд переносится на завтра, на десять утра. Приведите свидетеля для подтверждения ваших показаний, – последнюю фразу тётка произнесла, обращаясь к Святославу.

Слегка растерянный, вышел из суда. На всём пути сквозь здание не встретил фигур в чёрном. Теперь предстоит вернуться в больницу и выйти живым после извержения гнева Виктории, которое неизбежно.

По прибытии в больницу не заметил ничего экстраординарного. Никто не бегает в панике в поисках пропавшего пациента, никаких криков и хаоса. Сходу и не скажешь, что в отделении как-то обеспокоились исчезновением больного.

Может, они решили, что его тоже в психушку забрали, как беднягу параноика?

Святослав дошёл до своей палаты, избежав внимания медсестёр. Он уже собирался войти, как услышал за спиной голос, заставивший съёжиться.

– Ага, пришли всё-таки, – сказала докторша.

Она подозрительно вовремя вышла из процедурного кабинета и увидела Славу. Он развернулся лицом и виновато пожал плечами:

– Так получилось. Очень нужно было уйти.

Женщина окинула его взглядом,

– Сегодня никуда не выпишу, – тем же тоном произнесла она. – Переодевайтесь и на осмотр через пять минут.

Святослав вздохнул и пошёл переодеваться. За пять минут, пока был в палате, от соседей узнал, что персонал больницы всё же вынудили сходить на выборы. Многие, разозлившись, проголосовали против «Едра» или испортили бюллетень.

Позвонил Казимир. Сначала долго извинялся, что не мог помочь и не связался сразу. Объяснил, что лишился телефона в толпе на площади – то ли украли, то ли потерял. Уклончиво ответил на вопрос, сможет ли прийти в суд.

– У меня есть некоторые неожиданные новости, – Казимир перешёл на шёпот, словно это может помочь от возможной прослушки.

– Какого рода?

– Это касается ваших друзей в чёрных плащах на раритетном автомобиле.

– Очень интересно.

– И опасно. Боюсь, это не телефонный разговор.

– Предлагаете встретиться? Где? Когда?

– Сегодня вечером у меня дома. Это в Москве, ехать далеко не нужно. К семи вечера подъезжайте.

– Пряма такая срочность?

– Инсайдерская информация. Пока владею только я, думаю, мне угрожает опасность. Жизненно необходимо ею поделиться.

– А в интернете опубликовать нельзя?

– Тут есть свои недостатки. Расскажу при встрече.

– Хорошо, я приеду. Шлите адрес смской.

– Договорились, – обрадованно ответил уфолог и отключился.

Осмотр занял считанные минуты и не выявил никаких проблем. Гораздо больше времени заняли уговоры выписать сегодня же. В конце концов, Виктория сдалась, и ближе к вечеру Святослав оказался свободен.

* * * * *

Утром понедельника Ковальский решил не заказывать доставку завтрака, как обычно. Прихватив ноутбук, он спустился, вышел на улицу и обосновался в кафе на противоположной стороне. Сделал заказ, открыл компьютер и задумался, глядя поверх экрана в окно.

Офисный планктон появляется из метро неравномерно. Сначала плотная масса после каждого поезда, которая редеет через полминуты, чтобы снова сгуститься с новым составом. Толпа подобна крови, а людишки – отдельные её клетки. Словно где-то в недрах под городом огромное сердце перекачивает человека, как красную субстанцию, без которой жизнь невысказана. Люди – кровь города, всего лишь средство по доставке.

Ковальский вернулся к работе. Судя по докладам оперативников, одна из ключевых фигур дозрела, и на сегодня запланирована операция. Тут его участие не нужно, и за сегодняшний день не стоит беспокоиться.

Но последующее использование протоколов для обработки можно сделать, только оценив состояние объекта. И лучше участвовать лично.

На экране появилось уведомление о новых письмах. Макфол просит генераторы инфразвука, планируя забрать их до обеда. Странно, что не позвонил, при такой срочности. Едва Ковальский дочитал, раздался звонок – лёгок на помине.

– Привет, Майкл.

- Привет. Мне нужны генераторы, я тебе в письме подробно написал.
 - Да, как раз прочёл. А разве на сегодня что-то намечается? Не помню такого в планах.
 - Нет, но, похоже, динамика выше, чем принята в расчётах. Котел закипает с опережением графика, мы решили спустить пар сейчас.
 - А что местные?
 - О-о-о, – разочарованно протянул Макфол. – Это такие тупицы. Ты же знаешь, я работал здесь ещё в конце восьмидесятых и в середине девяностых. С тех пор уровень сильно упал. Приходится почти всю работу делать за них.
 - А спецслужбисты?
 - Так это самые кретины. Они расслабились без контроля – от них требуют лишь отчётность и удержание населения в покорности.
 - Последнее-то не тривиально.
 - Да, но это если бы они в самом деле этим занимались. Но работа с аборигенами ведётся лишь на бумаге. Изредка сажают случайного активиста для устрашения. Такая деградация за десять лет... Котел бурлит, а они и глазом не ведут.
 - Понятно. Надо внести коррективы в расчёты, я позабочусь. И дай знать, если снова заметишь отклонения от плана. Пока не могу плотно мониторить всю ситуацию.
 - Не вопрос. Так что с генераторами?
 - Забирай, мне пока без надобности. Я бы даже со своими ребятами отправил, но сегодня они заняты. И раз уж зашла речь о генераторах и выпускании пара. Эти больше для паники и депрессии, а тут энтузиазм нужен. Но для этого у меня штуки тоже есть.
 - Хорошо пришлю кого-нибудь из своих, возьмут и то, и другое. Как успехи в создании отвлекающей легенды?
 - Следи завтра за новостями.
- Майкл усмехнулся и попрощался.
Генераторы забрали через несколько часов, пришлось покинуть кафе.

* * * * *

Суд назначили на утро понедельника. Для Мандаринова нет ничего хуже раннего утра, особенно в понедельник. Невыспавшийся и угрюмый, он добирался до суда, одновременно пытаясь сосредоточиться хоть на какой-нибудь из возникающих мыслей.

Насчёт суда никаких иллюзий. Ясно, что приговор будет копией постановления прокурора. Даже не любопытно, кто из судей выполнит эту работёнку сегодня.

Судья оказалась незнакомой. Раньше Мандаринов не встречал её ни на своих процессах, ни на чужих. Похоже, судьёй она вообще недавно работает – уж больно молода. Хотя в этом случае, молодость не означает кристальной честности, вообще никакой честности не означает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.